

Колдовские миры

КИРА
ИЗМАЙЛОВА

Случай из практики
КАРАВАННАЯ ТРОПА

Случай из практики

Кира Измайлова

**Случай из практики.
Караванная тропа**

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Измайлова К. А.

Случай из практики. Караванная тропа / К. А. Измайлова —
«Эксмо», 2019 — (Случай из практики)

ISBN 978-5-04-101425-4

Как известно, история имеет свойство повторяться – в других обстоятельствах и с другими действующими лицами. Вот и тут снова встретились колдунья из рода судебных магов и дракон, и снова их ждут расследования преступлений, совершенных с помощью магии. Только это уже не Флоссия Нарен, а ее дочь Фергия, и не дракон Гарреш, а его племянник Вейриш, и дело происходит не в Арастене, а в знойном Адмаре, где сам климат не благоприятствует спешке и решительным действиям. Но тень губительного для драконов проклятия уже легла на раскаленные пески, а значит, придется Вейришу стряхнуть с себя негу и лень, чтобы попытаться отвести беду от своего племени, а Фергии придется побороться за место под жарким солнцем, чтобы доказать, что женщины умеют колдовать и логически мыслить не хуже мужчин.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101425-4

© Измайлова К. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Кира Измайлова

Случай из практики. Караванная тропа

© Измайлова К.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Утреннее солнце светило ярко – не спасали даже ставни. На покрывале, на стенах, на потолке весело плясали золотые пятна. День обещал быть жарким.

Я хотел отодвинуть сладко спавшую Лайшу и встать, чтобы освежиться, как вдруг распахнутая дверь с треском ударилась о стену, а в покои ворвался настоящий ураган.

Ураган этот с разбегу запрыгнул на ложе, пихнул Лайшу в бок и приказал:

– Лайша! Кыш!

– Уже уйду, шодэ...¹ – зевнула та, потянувшись, подобрала с пола покрывало и вышла, по-моему, даже не открывая глаз.

– С добрым утром, – сказал я, когда Аю, свалившись на меня всей тяжестью (хотя что там той тяжести!), потерлась носом о мой нос. – Хорошо, что я уже проснулся, а то ведь так и заикой оставить недолго!

Я много раз просил так не делать, но кто слушал меня в этом доме? Разве что новые наложницы, да и те ровно до тех пор, покуда их не посвящали в негласные правила.

– Аю соскучилась, – серьезно ответила она и вытянулась у меня под боком. – Эйша долго не было.

Меня зовут Вейриш, но Аю, когда еще не могла толком говорить, произносила мое имя вот так, и я привык. Мне даже нравилось это – до такого сокращения не додумался никто из моих многочисленных родственников.

– Дела, – ответил я.

– Аю помнит, – кивнула она. – Дурные дела.

– Невеселые, – согласился я и припомнил семейную встречу, на которой меня, мягко говоря, озадачили.

И кто! Дядя Гарреш, от которого я не ждал подвоха... И который, я был уверен, давно убедился в полнейшей моей несостоятельности в том, что касалось хоть сколько-нибудь серьезных дел. Не так давно он выручил меня из неприятностей, в которые я угодил по собственной неосторожности (и, скажем прямо, глупости), а потому мной владела счастливая уверенность, что дядя считает меня бескрылым юнцом. Но нет, чем-то ему приглянулся именно я...

– Эйш, не спи! – потормошила меня Аю, и я очнулся.

– Я не сплю, просто задумался.

– Все те же дела? – произнесла она со странной интонацией, и мне показалось, будто в глубине ее темных глаз затрепетал огонек, словно свеча вспыхивала и гасла на ветру.

Аю – урожденная степнячка, а еще она ашшу. Не колдунья, нет, она ничего не может сделать, но зато способна предсказывать грядущее. У нас тоже бывают предвидения, но они всегда неопределенны, и истолковать их правильно очень сложно. Так, если бы дядя Гарреш вовремя понял, что сулит ему предчувствие, он, возможно, успел бы спасти если не Араша, своего младшего сына, так хоть невестку и будущего внука! Но увы, он не смог...

Аю видит грядущее – каким оно станет, если смотреть именно с этой точки, из этого единственного момента. Оно все равно не предопределено, его можно изменить, но Аю способна сказать, что случится, если ты ничего не станешь менять. Слишком далеко она заглянуть не в состоянии, но и о ближайшем будущем позаботиться стоит.

Аю увезли из родных краев совсем ребенком. Ашшу там на вес золота, и убить ее степняки побоятся, чтобы не навлечь несчастья на свой род, но вот лишиться другого семейства такой ценности и забрать себе могут. Ведь предсказательница может предупредить об опасности, подсказать, куда лучше перегонять стада в этом году... Да мало ли! Просто украсть ее – уже

¹ Обращение к замужней женщине (прим. авт.)

означает лишить другой род преимущества. И даже если она не пожелает предсказывать для нового семейства, ее принудят рожать детей: кто-нибудь из потомков тоже может оказаться ашшу.

А иногда складывается так, что украсть-то ашшу можно, а вот оставить ее у себя – слишком опасно. Если обворованный род намного сильнее, он может отомстить и забрать свою ответственность назад, вырезав обидчиков под корень. Тогда такие дела поручают людям со стороны, чтобы никто не смог связать похищение с кем-то определенным... А подозрения без доказательств у степняков мало чего стоят.

Впервые я встретил Аю худенькой девочкой-подростком, которая не могла толком говорить: тот, кто выкрал ее из родного становища и продал в рабство, лишил ее языка. Больше она не могла ни произнести пророчество, ни даже сказать, откуда она, из какого рода... Ее родные непременно выкупили бы ее, даже если ради этого пришлось продать в рабство нескольких здоровых мужчин! Те, уверен, с радостью приняли бы такой выбор старейшин, надеясь, что вскоре мудрость ашшу вернет их домой...

Изувечили Аю именно работорговцы – сами степняки навредить ашшу не решатся. Вдобавок они режут языки под корень, Аю же сохранила способность кое-как лепетать, и понять ее при желании было возможно. Другое дело, что она почти не знала общего наречия, но это уж дело наживное.

Хорошо владеть магией, частенько думал я, глядя, как разглаживаются шрамы на ее лице, а язык понемногу делается прежним. С выбитыми зубами было сложнее, но и с этим я справился.

С тех пор как я взял Аю в жены, она заметно изменилась. Я не говорю – похорошела, поскольку по местным меркам она вовсе не красива, но мы, драконы, смотрим не только и не столько на внешнюю оболочку, сколько на тот огонь, что горит в человеке...

У Аю оказались густые и жесткие, как гривы обожаемых ею лошадей, черные волосы; отросшие, они падали на плечи непокорной копной. Это только до замужества степнячки коротко стригут волосы, оставляя несколько прядей, а потом отращивают косы. У других народов, я знаю, делают наоборот.

Вот эта самая грива теперь щекотала мне шею, и я повернулся, чтобы нос к носу столкнуться с Аю.

– Дурные дела? – в очередной раз повторила она.

Супруга моя уже очень хорошо понимала и общее наречие, и местные языки, но говорила мало. Скорее всего, просто не желала. Так-то я часто заставлял ее с другими женщинами – те знай трещали каждая на свой лад, Аю внимательно слушала и вроде бы советовала... Во всяком случае, та же Лайша говорила – «шодэ велела сделать то или это», а как Аю могла это сделать, если не словами? Жестом можно послать за водой или угощением, не более того.

А еще я не мог отучить ее говорить о себе в третьем лице – так принято у нее на родине, и она не собиралась отказываться от этой привычки. Упрямством Аю можно было крушить стены, и понял я это далеко не на первом году семейной жизни, а намного раньше.

– Они самые, – ответил я. – Что видишь?

– Плохо, – подумав, ответила она.

Это тоже было проблемой: видеть грядущее Аю видела, но объяснить, что именно должно произойти, могла не всегда. В тот памятный раз я просто чудом понял ее лепет, иначе... Иначе не простил бы себе. А она не простила бы меня за то, что не пришел на выручку ее хозяйке, и не отправилась со мной сюда, на юг...

И если она имеет в виду поручение дяди, то лучше послушать ее. Его история... то ли он прав, то ли нет, концов уже не найдешь, как говаривала бывшая хозяйка Аю, и соваться в это мне совсем не хотелось. Только крылья зря истреплешь.

– Мне стоит ввязываться или лучше подождать и посмотреть, что будет дальше? – уточнил я на всякий случай. В случае с ашшу следует формулировать вопрос как можно более точно.

– Подождать, – после паузы ответила она. – Пока... неясно. Рябь на воде. Туман. Не надо Эйшу лезть, вдруг буря? Надо думать. Искать.

– Что искать? – безнадежно спросил я.

– Аю не знает, – покачала она головой. – Просто – искать, что ищется. И найдется. Или нет. Как Эйш будет искать, так и выйдет.

– Ладно... – Я сел. – Ты уже завтракала?

– Аю просыпается рано, – с достоинством ответила она. – Эйш хочет есть? Аю прикажет подать!

– Пока не нужно, – прислушавшись к себе, ответил я. – Я сперва пролечусь до побережья и... Ты что?

Аю схватила меня за руку с недетской силой (а я не мог считать ее взрослой, ей вряд ли сравнялось четырнадцать!) и замотала головой.

– Эйшу нельзя лететь, – твердо сказала она. – Нельзя. Опасно.

– Почему?

– Аю не видит. Эйшу нельзя в небо и нельзя в море. Там смерть.

У меня по спине побежали ледяные мурашки.

– Как она выглядит? – спросил я, зная, что иногда даже самые странные вопросы находят ответы.

Аю молча развела руками – только браслеты зазвенели.

– Аю не видит, – повторила она. – Она повсюду. В небе, в воде. Скоро уйдет.

– А на земле?

– На земле ее нет, – прислушавшись к чему-то внутри себя, ответила Аю. – И под землей нет.

Я потряс головой. Ничего не понимаю!

– Приказать нести завтрак, Эйш? – напомнила Аю.

– Да, прикажи. Но сперва я хочу искупаться...

Аю кивнула и убежала, перед тем снова ласково потеревшись носом о мой нос – этот жест высшего доверия у них в степи заменяет поцелуи.

Помню, когда я привел ее в свой дом, Аю сильно дичилась и старалась держаться поближе ко мне. А осознав, что она здесь не рабыня, не прислуга, не наложница (коих у меня порядочно), а жена, причем не младшая и даже не старшая, а просто – единственная, живо навела порядок. Смешно было наблюдать, как могучая Фиридиз, кухарка, оправдывается перед такой соплячкой и безропотно драит котлы и сковороды, показавшиеся Аю чересчур засаленными. Фиридиз ленива, это правда, но готовит настолько волшебным образом, что я готов простить ей невесть чем заляпанный передник, стоптанные туфли и засаленную головную повязку-тарбан! Я, но не Аю. И месяца не прошло, как кухня засверкала чистотой, а Фиридиз торжественно сожгла во дворе старый тарбан и щеголяла теперь в темно-красном, подаренном от щедрот Аю... Еще бы передник сменила, вовсе бы хорошо вышло!

Купальня еще не была готова, и за нерасторопность слуг ожидал справедливый разнос от Аю. Я бы махнул рукой на такую мелочь и полетел купаться на побережье, но она сказала, что в воздух сегодня лучше не подниматься, и я предпочел внять этому предупреждению. Что же там такое? Почему кого-то гибель наступает над землей, а Аю видит смерть в море? Одни вопросы без ответов!

«Я разберусь в этом, – сказал я самому себе. – Я обещал дяде... Дракон я или нет?»

Мысли мои потекли лениво и плавно, и я чуть было снова не уснул, благо что никто больше ко мне не приставал... Впрочем, это продлилось недолго.

– Шодан...² Шодан! – потормошила меня Алиша, не так давно взятая в дом за красоту и добрый нрав.

Впрочем, меня не спрашивали: Аю указала на эту девушку, я ее и купил.

– Что еще? – спросил я и проснулся окончательно...

...И понял, что видел сон во сне: никакой Алиши и в помине не было, когда Аю будила меня, прыгая с разбегу на кровать, а супруг Лайши недавно, нижайше кланяясь, пригласил меня на праздник наречения имени очередному внуку. Тридцать лет прошло с тех пор, Алиша тогда и не родилась, Аю была подростком, а теперь – взрослая женщина.

«Не к добру такие сны», – подумал я и с силой потер лицо руками. Не помешал бы кувшин холодной воды на голову, да только она наверняка успела нагреться – солнце стояло уже высоко.

Почему мне приснился тот разговор с Аю? Непременно нужно спросить ее, что она сегодня видит в воздухе и на море...

– Так что случилось? – повторил я вопрос.

– Там пришли, – был ответ.

– Скажи, чтобы ушли.

Кого еще принесло? Я никого не приглашал... Впрочем, Алиша тут же вскричала:

– Да как же можно? Это ведь сам Оталь-шодан с сыновьями, он тебя о чем-то просить хочет! Сказал, что не уйдет, пока ты его не выслушаешь! Я вот тебя бужу, шодан, а они во дворе на коленях стоят, на самом солнцепеке!

– Что ж ты сразу-то не сказала? – Я вскочил, потому что, похоже, дело было нешуточным. – Поддай умыться!

Чтобы далеко не последний торговец в наших краях, владелец нескольких кораблей и двух десятков караванов, глава большого семейства пришел ко мне, сопляку по человеческим меркам, да еще вот так... Должно было случиться что-то неопишное!

– Я говорила, но ты не слушал. – Алиша вылила мне на голову кувшин холодной воды.

– А что Аю сказала?

– Чтобы ты сам разбирался, шодан, потому как это не женское дело, – развела руками Алиша.

О способностях моей жены здесь знали. Фиридиз, конечно же, не могла удержать язык за зубами, и вскоре все соседи были оповещены о том, что Аю-шодэ – прорицательница, да такая, что другие недостойны даже пыль из-под ее туфель целовать!

Должно быть, это случилось после того, как Аю прямо сказала кухарке – не ешь сливы, которыми тебя угостил торговец. Но те были так хороши на вид, так славно пахли, так заманчиво блестели лиловыми боками, будто сами просились в рот... Фиридиз не устояла и очень скоро пожалела об этом. Я и сам мог сказать ей, что нельзя есть фрукты, целый день пролежавшие в корзине под палящим солнцем, как бы соблазнительно они ни выглядели, потому что именно в такие спелые и сочные плоды муха-сосальщица откладывает яйца, из которых уже через несколько часов выводятся личинки, такие маленькие, что их нельзя различить невооруженным глазом. Если животное съест такой плод, личинки поселятся у него внутри, а поскольку не смогут вовремя окуклиться и превратиться в мух, выедят носителя изнутри. Человеку они сильно навредить не могут, он слишком велик, однако приятного в этом мало. Впрочем, если вовремя заметить недомогание и выпить настой коры горького иглолиста, то всё обойдется. Фиридиз скоро поправилась (изрядно похудев при этом), а как только смогла встать на ноги, понесла по всем дворам историю о своем чудесном спасении и о волшебном даре молодой Аю-шодэ...

² Обращение к мужчине (прим. авт.).

Советоваться к ней ходили очень редко, и только если не видели другого выхода, и не из-за дороговизны – денег она за предсказания не брала, к тому же сама могла послать весточку кому-то, о ком ей было видение. Просто попробовали спрашивать о будущем по пустякам, но быстро прекратили, потому что нрав у Аю... не из легких.

– Подай напитки, – велел я Алише, быстро одеваясь, – и скажи, чтобы готовили обед.

– Всё уже готово, шодан, – ответила она. – Аю-шодэ еще вечером сказала, что будут гости.

Я только вздохнул: меня предупредить никому и в голову не пришло! Впрочем, может, и предупреждали, только я так устал, что не обратил на это внимания, упал и уснул...

Оталь, тучный мужчина далеко еще не преклонных лет, в самом деле стоял на коленях посреди нашего двора, смиренно склонив непокрытую голову. Рядом замерли его сыновья, а я вдруг заметил подушечку под коленями почтенного торговца, веер в его руке и развеселился: ждал он со всеми возможными удобствами. Не хватало только столика с прохладительными напитками и фруктов да невольника с опахалом и второго – с расписным солнышком из полупрозрачной ткани. Еще бы шуудэ³ с собой привел, чтобы танцевали, разбрасывая цветочные лепестки, и услаждали взор хозяина, покуда тот дожидается беседы со мной, и парочку безголосых, но старательных юнцов с дудками и китарами... Впрочем, в этом случае он рисковал не дожидаться меня до скончания века.

– Оталь-шодан, – почтительно произнес я, подойдя ближе, – что привело тебя на мой двор в такое время?

– Вейриш-шодан, – ответил он, едва ли не коснувшись ухоженной черной бородой земли, – я пришел просить о великой милости!

– Тогда встань и идем со мною в дом, и пусть твои сыновья идут с нами вместе, а слуги отдохнут под деревьями, в тени, – сказал я, и он поднялся, опираясь на руку старшего сына. Младший подал ему тарбан.

Солнце палило нещадно, как всегда в это время года, и я подумал: что же могло заставить почтенного человека явиться ко мне вот так? Приди он с обычной просьбой, я мог бы и не выйти к нему, но когда человек преклоняет колени и обнажает голову, нельзя не выслушать его, не навлекши на себя позор.

– Вейриш-шодан, – выговорил он, когда мы уселись в благословенной прохладе и Алиша принесла угощение, – я знаю, ты отмечен богами, как и твоя досточтимая супруга... Потому прошу: помоги найти сына моей сестры!

– Постой, достопочтенный, я чего-то не понимаю, – нахмурился я. – Как я могу найти человека, если никогда не видел его и даже не знаю имени?

– Говорят, ты часто бываешь в горах, Вейриш-шодан, – сказал Оталь, вытирая мокрый лоб вышитым рукавом. – Быть может, с высоты ты разглядишь следы каравана, который должен был вернуться несколько дней назад и с которым ушел Ориш?

– Боюсь, те горы не настолько высоки, – сказал я приличия ради. Думаю, соседи прекрасно знали, кто я таков, но предпочитали держать это знание при себе до поры до времени. – Выходит, твой караван не вернулся в срок?

– Именно так, Вейриш-шодан. Я считал, сыновья считали... Песчаных бурь не было, гроз не случалось, разбойников возле Адмара давно нет, и караван давно должен был миновать оазис! И я точно знаю, что до того с караваном ничего не случилось, если не считать павшего ишака: на половине дороги сын моей сестры выпустил птицу, и та принесла письмо. – Оталь вынул из рукава крохотный футляр. – Вот оно. Всё шло как должно, но никто не вернулся! Совсем никто, Вейриш-шодан! А даже если бы пали все животные, люди смогли бы дойти, пускай и бросив груз...

³ Наложница (прим. авт.).

– Странное дело. – Я взял футляр, открыл и вытряхнул на ладонь туго свернутую записку. – Самое обычное письмо, ни о каких тревогах и опасениях твой племянник не пишет... Но почему ты не пошлешь людей навстречу?

– Я послал человека, но не вернулся и он, – покачал головой Оталь. – Жена моя и сестра думают, что виной всему пустынные духи, но я не верю в их вину. Я верю в тебя, Вейриш-шодан!

– Благодарю, но... – Тут я подумал, что могу показаться страшнее любого духа (их здесь именуют джаннами), и невольно улыбнулся, хотя веселиться было не с чего. – Оталь-шодан, я постараюсь найти следы твоего каравана. Не обещаю большего, потому что не знаю, что стряслось с ним и в особенности с сыном твоей сестры.

– Благодарю тебя, – сказал он.

– Не стоит благодарить вперед сделанного, – поднял я руку. – Мне еще нужно посоветоваться с супругой. Ты знаешь, она видит будущее, не часто и не по своему желанию, но вдруг сумеет узреть что-нибудь и о твоем караване, Оталь-шодан? Ты оставишь мне это письмо? И, быть может, у тебя найдется какая-то вещь сына твоей сестры?

Он закивал и подал знак младшему сыну. Тот протянул мне вышитый платок, должно быть, подарок Оришу от какой-нибудь красавицы. А может, от матери или тетки: я слышал, женщины в семье Оталя славятся искусством вышивания.

– Я ничего не могу тебе обещать, почтенный, – сказал я. – Лишь попытаюсь найти следы каравана.

– Я слышал тебя, Вейриш-шодан, – кивнул он и с трудом поднялся на ноги. – Мои сыновья свидетели тому. И да хранит тебя Высокое Небо!

Пожелания лучше для дракона и придумать нельзя!

Что до просьбы... Взлечу да посмотрю с высоты, где там этот несчастный караван... Оталь прав – ни бурь, ни даже сильного ветра не было, так что вряд ли столько выючных животных и людей замело песком, какие-то следы должны сохраниться.

Вот только Аю приземлила меня буквально одной фразой.

– Нельзя лететь, – сказала она, стоило мне проводить гостей и вернуться во внутренний дворик.

– Доброе утро, – ответил я и потянулся поцеловать ее.

– Вовсе не доброе, – без тени улыбки отозвалась Аю, ткнувшись носом в мой нос.

Казалось бы, за столько лет пора привыкнуть к ее манере разговаривать, но, должно быть, я из тех дураков, что не учатся на своих ошибках. Так говорит дядя Гарреш, а он редко ошибается.

– Что же в нем дурного, если не считать визита этого достойного торговца?

Аю молча развела руками и налила мне обжигающего,пряного, горького ойфа. К нему полагалась вазочка со льдом (который я же и принес с горной вершины), и я почувствовал себя на вершине блаженства.

– Мне сон был, – сказал я.

– Аю знает, – ответила она и посмотрела на меня в упор. В ее раскосых темных глазах ничего не читалось. – Потому и говорит – нельзя лететь.

– Всё как в тот раз? Смерть в небесах и в море? И ты не видишь, что это такое?

Аю кивнула, подвинула к себе блюдо с орехами и принялась их чистить. Ну как чистить... давить скорлупу пальцами. На это не всякий мужчина способен, а она так баловалась много лет. Подозреваю, в детстве Аю тренировалась не на орехах...

– Оно рядом, – сказала она наконец. – За спиной у Эйша. Как его крылья, только больше. Иногда его нет совсем. Подолгу нет.

– И как часто оно появляется? – насторожился я.

– Эйш не помнит, сколько раз Аю говорила ему не летать?

– Нет, – признался я. – А ты?

– Аю тогда не умела считать, – улыбнулась она. – Не важно. Этого не было уже шесть зим. До того оно появлялось чаще. Но теперь оно вернулось, и оно сильное. Сильнее, чем было. Может, кого-то съело.

– Может, и съело... – согласился я.

Вестей от дяди давно не было – он снова отправился в далекое путешествие, а кроме него, никто не снабжал меня новостями о творящемся в нашем семействе. По правде сказать, я сам не слишком-то желал общения что со старшим поколением, что с ровесниками... Очевидно, жить отшельником не всегда выгодно.

– Почему ты не говорила мне об этом прежде?

– Я говорила. Что нельзя летать.

– Да нет же! Об этом вот, которое за спиной!

– Аю не видела, – помолчав, ответила она. – Оно было почти неразлично. Меньше и слабее тени Эйша на воде. Теперь стало большим. Его хорошо видно.

– Ты хочешь сказать, это произошло внезапно? – уточнил я, и она кивнула.

Что же случилось в последнее время? Ничего не приходило на ум...

– А о пропавшем караване ты ничего сказать не можешь? – спросил я.

Аю молча покачала головой, подумала, потом сказала все-таки:

– Песок в глазах. Не вижу.

Раз так, то сегодня нет смысла отправляться на поиски, обещал я или нет. Впрочем, послушать, о чем говорят кругом, не помешает, а делать это лучше всего на базаре. На земле мне вроде бы ничто не грозит, поэтому...

– Поедешь со мной? Сегодня должны были пристать корабли с Севера, торговцы наверняка привезли много всякой всячины!

– Нет, – сказала Аю и улыбнулась.

Когда она была моложе, то всегда ездила со мной: снять Аю с коня было попросту невозможно. Дома она привыкла совсем к другим, а здесь, увидев горбоносых сухоногих красавцев, сперва замерла от восторга, а потом не могла отойти от них, даже ночевала на конюшне (к вящему ужасу Фиридиз и прочих слуг). Впрочем, маленьких рабочих лошадок с короткими крепкими ножками, широкими спинами и мохнатыми гривами Аю любила не меньше, и даже ишакам и мулам перепала толика ее любви.

Тогда, много лет назад, я брал ее с собой, одев мальчиком. Закрытым лицом здесь никого не удивишь, не важно, мужчина это или женщина, и если на Аю и таращились, так разве что поражаясь: до чего ловко тощенький мальчишка управляет с горячим жеребцом!

Впрочем, Аю и сейчас сошла бы за подростка: росточка она осталась небольшого, лишь немного вытянулась и обзавелась едва заметными округлостями в положенных местах. В местной одежде, повторюсь, от мальчика ее не отличить, и обычно она с большой охотой сопровождает меня куда угодно, но... Если не пожелала, значит, скорее всего, снова что-то увидела. Вот только мне не скажет из каких-то своих загадочных соображений. Ну что ж, не впервой...

– Привезти тебе что-нибудь? – спросил я.

– Не нужно. Но если Эйш увидит хорошую женщину, пускай берет.

– Я и не сомневался, что ты так скажешь... – пробормотал я.

Куда девать наложниц – серьезная проблема. Не торговать же ими? Мне столько не нужно!

Аю с ними обходилась, как исправный арастенский сержант с новобранцами (я видел такого во время путешествия на Север), не позволяла лениться и ссориться. Это пошло еще с тех давних пор, когда сама она по молодости лет не могла разделить со мной ложе, но зато была вполне в состоянии проконтролировать, как ведут себя мои шуудэ, «девушки для удовольствия».

Как я позже выяснил, Аю сперва заставила их навести порядок в покоех и выстирать наряды, пригрозив, что если они и дальше будут докучать шодану своими склоками, то отправятся напрямик к прачкам, каковыми и останутся до конца дней своих. Ну и еще пообещала отрезать языки особенно злословным. И продемонстрировала свой, тогда еще не пришедший в порядок, а заодно кухонный тесак. Это подействовало, и в моем цветнике царила отныне тишь да гладь... А по округе ходило присловье: хочешь взять красивую добрую жену без надоедливой родни, езжай и поклонись Вейришу-шодану. Если понравишься ему, он тебе покажет девушек – выбирай. Только не обессудь, если ты не придешься по сердцу избраннице, а тем более – супруге Вейриша-шодана: её бесполезно уговаривать, а богатые дары она прикажет забрать назад, а станешь надоедать – выбросит за ворота. И скажи спасибо, если только дары, а не самого... Придется уезжать ни с чем! Однако многим везло. Клянусь, я всякий раз старался уладить дело ко всеобщему удовольствию, потому что содержать столько шуудэ было... не то чтобы не по карману, но просто утомительно. Всё равно как жить на постоялом дворе, право слово: какое-то время это можно выдержать, но не постоянно же...

«Прекрасная карьера, – сказал мне дядя Гарреш, услышав об этом. – Ты так молод, а уже сделался записной свахой! Или это называется иначе? Не знаю, право, не силен в местной терминологии».

Увы, тогда не нашелся с ответом, да и теперь вряд ли придумаю что-нибудь достойное. Очевидно, и впрямь слишком молод: покорять вершины дядюшкиного красноречия и пучины суесловия мне придется еще не один век...

Впрочем, это ерунда. Главное, я добился своего: теперь у меня одновременно жило не более шести шуудэ! По-моему, сама Аю стала относиться к выбору девушек куда более серьезно: прежде стремилась скупить всех подряд, а теперь подолгу прислушивалась к себе, выискивая ту, чья звезда еще может вспыхнуть на небосводе, пускай даже он будет виден в окошко маленькой хижинки.

«Как там продвигается освобождение женщин Юга?» – ядовито спрашивал дядюшка Гарреш при встрече, а я только вздыхал. За свободную девушку (неужто я стал бы перепродавать рабынь!) полагался выкуп, только не многие могли его себе позволить. Учитывая, сколько я тратил на содержание шуудэ, подарки им и прочие мелочи, я оставался сильно внакладе.

Я бы и вовсе отказался от этого, когда Аю вошла в возраст, но она же мне и не позволила. Наверно, услышала, как горько рыдают шуудэ, услышавшие, что хозяин взял жену. Они-то плакали по обычаю, да еще потому, что не представляли, чего ожидать от странной девочки, как она с ними обойдется, но Аю этого не знала. Может, и к лучшему...

– Эйш опять уснул? – спросила она и бросила в меня подтаявшей льдинкой. Угодила точно за воротник, к слову.

– Что? Нет, задумался просто, – отозвался я, вскочив и развязав пояс: нужно было встряхнуть ледышку.

Конечно, по жаре она быстро растает, а мокрое пятно на одежде высохнет, но мне не нравилось это ощущение льда у кожи. Я однажды полежал на снегу, мне вполне хватило...

– Аю прикажет седлать коня.

Это не было вопросом. Наверно, реши я отказаться от прогулки, меня выпнули бы за ворота поместья силой! Всё-таки жить с ашшу – сложное испытание. Недаром в степи на них никто и никогда не женится в привычном нашем понимании. Они сами выбирают, с кем быть и от кого рожать детей. И правильно – им видней... во всех смыслах слова.

Когда я выехал на улицы Адмара, солнце уже стояло в зените. Двое слуг следовали за мной – просто дань обычаю, появляться в одиночку уважаемому человеку неприлично, – и я краем глаза видел, как они утирают потные лица. Мне не было жарко, наоборот, хотелось взлететь к самому солнцу, разогреть крылья до белого жара, а потом упасть камнем в море,

чтобы пар взвился столбом... Но нет, нельзя. Не рискну. Аю еще ни разу не ошибалась в своем предвидении, и я не хотел проверять, повезет ли мне обмануть судьбу...

Я придержал жеребца: узкую улочку перебегала стайка ребятишек лет пяти или младше, босоногих, в живописных лохмотьях, перемазанных ягодами – красными, густо-лиловыми... Веселые крики звучали, словно птичьи голоса, мелькали белозубые улыбки, худые руки и ноги – золотисто-коричневые, бронзовые, медно-красные, иссиня-черные...

Они промчались, а я лишь вздохнул.

У нас с Аю детей не было.

Глава 2

Оставив лошадей на попечение одного из слуг, я в сопровождении второго двинулся по базару, раскланиваясь со знакомыми.

Многим, особенно чужестранцам, не нравится этот пестрый круговорот, этот шум и гам, гортанные и слишком высокие крики, цветистая ругань и порой драки... Я, однако, бывал на Севере и готов заявить со всей ответственностью: тамошние рынки отличаются от наших разве что чуть большей сдержанностью нравов. Точно таких же голосистых торговек я встречал в Арастене, а еще мне однажды чуть не намяли бока, приняв золотую монету адмарской чеканки за фальшивую. Я отбился, конечно, но впечатлений мне хватило надолго...

Я миновал невольничьи ряды (ничего интересного там не встретилось, так на что же намекала Аю?) и повернул к причалам, посмотреть на корабли. Мне больше нравилось разглядывать их с высоты полета, спрятавшись в облаках или зайдя против солнца и поражаясь искусству, с каким люди вели эти скорлупки наперекор воле ветра и волн... Но не сегодня. Тем более царил штиль, хотя вчера и позавчера с моря задувал сильный ровный ветер. Теперь корабли могли выйти из тесной гавани разве что на веслах. Ну а те, у которых весла не были предусмотрены конструкцией, – на буксире. Но что им делать в открытом море в штиль? Ждать, пока течение прибьет к берегу, да не к дружелюбному адмарскому, а дальше к югу, где обитают дикие племена, за кусок дерева и какую-нибудь побрякушку готовые съесть чужеземца? Лучше уж переждать затишье в порту.

Вблизи корабли напоминали мне чаек: стремительные, изящные в полете, на берегу они выглядят куда хуже. Да и запах...

С этой мыслью я поспешил миновать невольничью галеру, но тут же остановился, услышав с кормовой надстройки громкое:

– То есть как это – ты не намерен мне платить?

В ответ донеслось что-то неразборчивое, и борец за свои права еще повысил голос:

– Уважаемый! Я пока не знаю, как здесь у вас принято вести дела, но не забывай, что если бы не мои усилия, твоя лоханка так и болталась бы в открытом море! Что? Добрались бы до берега? Ну конечно, ты убедил себя, что эти живые скелеты, которые по недоразумению именуются гребцами, сумели бы совершить невозможное! Твоя галера сидит в воде по самую палубу, трюмы набиты до отказа, и ты еще будешь мне говорить... Что? Да, представь, я разбираюсь в мореходстве! Или ты хочешь сказать, что я... Ах, это было божественное вмешательство! Понятно...

Я остановился и пригляделся против солнца. Мне видна была только коротенькая круглая фигура в большом тарбане – должно быть, хозяин судна – и еще одна, высокая, широкоплечая.

– Что? Прости, я не расслышала! – зазвенело таким знакомым тоном, что я, право, невольно вздрогнул. – Это я тебе должна доплатить? За что, скажи на милость? Ты ведь получил деньги еще на берегу! И, напомню, в плату входили приличная еда и сносное место для ночлега.

– Вот именно, шади⁴ заняла мою каюту, – расслышал я наконец голос капитана, – и я вынужден был делить ложе с помощником!

– О ужас, – насмешливо ответила ему женщина. – Надеюсь, вам обоим понравилось... Потому что мне – нет!

– Шади!..

⁴ Обращение к незамужней женщине (прим. авт.).

– Твоя каюта никак не тянет на капитанскую, – отрезала она. – Тесная, душная, щели толком не проконопачены... Когда галера идет носом к волне, изо всех дыр так и льет! Скажи своим работникам – еще пары штормов эта посудина может и не пережить.

– Это лучшая пакля...

– Это вообще не пакля, – перебила она и наклонилась к капитану. Жаль, я не мог рассмотреть сцену поближе, зрелище должно было быть уморительным. – Не знаю, где ты ее покупал, но послушай человека, который вырос на корабле: тебя обманули. Думаю, расспросы нужно начинать с помощника... Впрочем, это вопрос далеко не первостепенной важности, и мы отвлеклись. Ты, кажется, намекал, будто я тебе что-то должна?

– Да, шади, – набычился толстячок. – На берегу мы договаривались: за проезд до Адмара, за отдельную каюту, за еду и воду, за твой багаж. Потом ты заняла мою каюту вместо пассажирской, съела и выпила больше меня, и... и теперь вообще не желаешь платить!

– Я сейчас на пальцах объясню, почему не желаю. – Женщина показала ему указательный палец. – Отдельная пассажирская каюта похожа на крысоловку, и даже твоя личная немногим лучше. Посмотри на меня, уважаемый! По-твоему, я могла находиться там, не скрючившись в три погибели? А ты, к слову, видел меня, когда мы ударили по рукам, и прекрасно понимал, как именно я буду чувствовать себя в этой душегубке, с моим-то ростом! Тебе хотелось посмеяться надо мной? И как, удалось?... Это первое.

– Но...

– Второе, – не дала она договорить. – Еда. О, эта пища богов! Если бы они ее отведали, то низвергли бы ваше корыто в пучину вод, а печень кока отдали бы на растерзание морским гадам! Мое счастье, что я приучена не отправляться в дальний путь без собственных припасов, иначе мне пришлось бы ловить летучих рыб и утолять голод их костлявой плотью!

– Шади...

– Про воду даже не упоминай, – сказала незнакомка. – Она протухла еще до того, как я взошла на борт. Кому, спрашивается, ты обязан тем, что на корабле не случилось никакой болезни? Молчишь, уважаемый? Вот и молчи дальше, я дошла только до третьего пункта! Нас еще ждет багаж!

– Он в целости и сохранности! – возопил капитан. По-моему, он уже не чаял избавиться от пассажирки. – И ты получишь его, шади, как только расплатишься!

– Неужели? – Женщина наклонила голову, и на солнце сверкнул ярко-алый платок, лихо повязанный на манер пустынных жителей – бардазинов. Узелок только был неправильный, но в чем именно, я разглядеть не успел. – На этом дырявом тазу нет ни единого сухого места! Промокли все мои вещи, книги... Ты знаешь, что такое книги? Ах да, я же видела у тебя судовую роль и что-то наподобие учетного листа. Прекрасно!

– Но, шади...

– Эти книги стоят дороже, чем вся твоя галера с гребцами вместе! Себя тоже можешь присчитать, за такого работорговцы дорого не дадут...

Капитан жалобно пискнул, явно протестуя против такой несправедливости, но ему не дали вставить ни слова:

– Я еще раз напоминаю о попутном ветре, который показался тебе случайным, но без которого мы еще долго болтались бы вдоль берега по воле течения! Не желаешь ли возместить мне ущерб и доплатить за работу, выполнять которую я не нанималась? И не говори о взаимозачете! Мои услуги стоят дорого, намного дороже, чем ты можешь себе представить, и даже если я соглашусь на этот обмен, ты все равно остаешься мне должен...

– Но ты сделала это ради собственного удобства, шади, чтобы скорее попасть в порт!

– А сундуки я тоже сама намочила?

Женщина снова встала во весь рост, уперла руки в бока, и этот силуэт, поворот головы, а главное, профиль показались мне настолько знакомыми, что я не удержался и окликнул:

– Госпожа Нарен!

Она развернулась, нашла меня взглядом в толпе и перегнулась через фальшборт. Судя по всему, перед лицом капитана оказался ее... гм... тыл, обтянутый мужскими штанами, потому что он поспешил отвернуться, прикрыл лицо и принялся делать жесты, призванные отогнать злых духов. Сам, однако, вовсю пялился на женщину сквозь щелочку между пальцев.

– Вы угадали, – сказала она, смерив меня взглядом, – но я не возьму в толк, откуда вы меня знаете? Я вас прежде точно не встречала!

Я присмотрелся лучше и опешил: это действительно была госпожа Нарен, вот только... не та! Лицо очень похоже, но черты немного отличаются. Глаза больше... и веселее, что ли? Губы очерчены чуть мягче, не складываются в презрительную гримасу или жесткую линию. Подбородок такой же упрямый, но с задорной ямочкой. Прическа похожа, но надо лбом из-под платка выбиваются выющиеся черные пряди. Фигура такая же: по-мужски широкие плечи, изрядный рост, только в данном случае природа все-таки расщедрилась не только на прямые углы, но и на небольшие округлости. И в целом...

Это была копия Флоссии Нарен, только моложе. Вывод мог быть только один.

– Я знал вашу матушку, – выговорил я.

– Не вижу в этом ничего удивительного, – заверила она. – Кто ее только не знал... Если вас не затруднит, обождите буквально полчаса – я заберу свой багаж и с удовольствием предамся воспоминаниям о маме! Особенно если вы покажете, где здесь продают ойф... То, чем поили на этой посудине, можно заливать преступникам в глотки вместо расплавленного свинца! Это не ойф, а надругательство над благородным напитком!

– Госпожа, а что все-таки случилось? – перебил я. Мне сделалось до того интересно, что я даже поднялся по сходням, сделав слуге знак ждать на причале.

– Сушая ерунда. Не сошлись в вопросах оплаты, но спор наш вряд ли затянется надолго, – сверкнула она улыбкой и вновь повернулась к капитану.

Тот, заметив меня, умоляюще сложил руки у сердца. Надеялся, бедолага, что я выручу его... Впрочем, это ведь несложно!

«Соглашайся, – показал я ему жестами, – я заплачу после».

Мне можно верить на слово, это все знали, и капитан широко улыбнулся.

Рано он обрадовался.

– Прекрасный рыцарь, – сказала мне госпожа Нарен-младшая, обернувшись через плечо, – я ценю ваше участие, но извольте не вступать. Это невежливо, в конце концов!

– Я вовсе не...

– Вы – да, – отрезала она. – Вы сигналили этому проходимцу. Очевидно, намекали, чтобы он согласился на мои условия, а вы разберетесь позже... Увы, так дело не пойдет. Ваше знакомство с моей мамой не дает вам права вмешиваться в мои личные торгово-денежные отношения с этим отпрыском народа жуликов и обманщиков!

– Как вы догадались, что я подавал знаки? – только и смог я спросить. – Вы же стояли спиной!

– О, очень просто, – ответила она без тени улыбки. – У всех магов на затылке, на спине, даже на пояснице и ниже есть особые чувствительные точки. Как иначе, по-вашему, нам следить за тылом? Зеркало с собой носить, что ли?

Должно быть, лицо мое приобрело настолько красноречивое выражение, что она не выдержала и расхохоталась:

– Я вашу тень на палубе вижу! И немного – отражение в побрякушках на груди этого ничтожного водохлеба, смеющего именовать себя мореходом!

Она помолчала и добавила:

– Даже если бы я ничего не увидела, всё равно бы догадалась. Он смотрит на вас, как на местное божество, следовательно, вы располагаете властью и, главное, средствами. Из

любопытства вы вполне можете уладить дело, чтобы потом вернуть этому проходимцу скромную сумму, которую он буквально выдирает когтями из глотки одинокой беззащитной чужестранки!

– Беззащитной, значит? – уточнил я. – Вы точно дочь госпожи Флоссии Нарен?

– Нет, прикидываюсь, чтобы ввести вас в заблуждение, – фыркнула она и вновь обратилась к капитану. – Я могу наконец получить мой багаж, о любезнейший из водоплавающих?

– Да, шад, – произнес он, покосившись на меня. Надеюсь, я подмигивал не слишком заметно и госпожа Нарен-младшая этого не увидела. – Конечно, шад. Прикажешь позвать носильщиков?

– Мой слуга позовет, – опередил я очередную тираду и жестом велел ему подойти.

– Удачного плавания, – улыбнулась она капитану и, по-моему, что-то начертила каблуком на палубе. – Два шторма. Не больше.

Он изменился в лице, что-то заговорил, но госпожа Нарен уже шествовала вниз по сходам, и мне ничего не оставалось, кроме как последовать за нею.

– Вы его проклинали? – негромко спросил я, когда мы очутились на твердой земле.

– Как вы могли такое обо мне подумать? – делано возмутилась она. – Что за нелепые намеки и странные подозрения?

– Вы что-то сделали, – сказал я. – Не знаю, что именно, но почувствовал – магией потянуло. Странной, незнакомой. Не припоминаю подобного у вашей матушки.

– Это вы недостаточно близко с ней знакомы, – заверила женщина. – К тому же мама не очень-то любит работать на публику... ну, за редким исключением.

– А вы, значит, любите?

– Это мой образ жизни... И скажите своему слуге, чтобы он велел поаккуратнее обращаться с большим сундуком! – перебила она сама себя. – Иначе я сама скажу и не уверена, что мои слова понравятся этому несчастному!

– Он вас не поймет, – посмеиваясь, произнес я и указал слуге на сундук, который с огромной натугой волочил на спине могучий чернокожий носильщик. – Мы же на арастенском говорим. Капитан его знает, а эти...

– Во-первых, – с достоинством произнесла она, – кто вам сказал, что я не знаю местных наречий? Было бы крайне глупо с моей стороны отправляться в далекое странствие, не зная языка и даже не захватив с собой надежного толмача... Ну а поскольку я не люблю таскать с собой лишний багаж... я о толмаче, разумеется, не коситесь так на сундуки, в них лишь самое необходимое! Так вот, проще самой выучить язык, чем полагаться невесть на кого. Во-вторых, милейший, почему вы думаете, что я не сумею объясниться жестами?

– Гхм... – это всё, что мне удалось выдать в ответ на ее тираду. – Так что с галерой? Вы ее проклинали или нет?

– Была охота силы тратить... Просто больше двух средних штормов это корыто и впрямь не выдержит. Может, если этот жадный тип перепугается, то хоть велит щели законопатить, как думаете? Самого-то, если потонет, не особенно жалко, а вот гребцы... – Она вздохнула. – Не выплывут.

Я молча кивнул. Какое уж тут выплыть, если прикован к скамье...

– А теперь давайте знакомиться по-настоящему, – перебила госпожа Нарен мои мысли. – Спорим, я угадаю, кто вы?

– Да неужели? – невольно улыбнулся я.

– Так поспорим? – повторила она.

– На что?

– На желание, конечно же!

– Исполнимое, – дополнил я, чувствуя какой-то подвох.

– Ну... исполнимость желаний зависит от желания исполняющего, уж простите за грубую игру слов, – широко улыбнулась она, и в темно-карих, почти черных, цвета крепкого ойфа глазах сверкнули золотистые искры.

Как я мог принять ее за мать? У старшей госпожи Нарен внутри горело совершенно иное пламя, не настолько ровное и яркое. И, к слову, вряд ли более сильное...

– Ну что, по рукам? – перебила она мои мысли.

– Пожалуй, – согласился я, протянул руку и почувствовал не по-женски сильное пожатие. – Кто же я такой, по-вашему?

– Ваше имя – Вейриш, вы дракон и племянник Гарреша, – весело ответила она, оценила выражение моего лица и добавила: – И, думаю, вы женаты на Аю, если она еще жива. Должна быть жива, она ведь немногим старше меня, а рядом с драконами люди живут дольше, верно?

– Тише вы! – шикнул я и взял ее под руку. – Как вы это... Вы знали, что я живу в Адмаре, и нарочно приплыли сюда? Дядя меня выдал?

– Нет. Я никогда не видела вашего дядю. Просто... это как сложить два и два.

– Неужели?

– Честное слово! Я с детства слышала рассказы о драконах. Мама точно вас описала, у нее отменная память на детали. Жаль, рисовать не умеет – пригодилось бы! Зато меня заставила выучиться... Так вот, она знала от Гарреша, что вы увезли Аю куда-то на юг.

Госпожа Нарен шагала широко, вровень со мной, а на ходу ухитрялась поддавать камешки носками кованых сапог, слишком тяжелых для нашей жары.

– И вот я прибываю в этот порт... можно было выбрать и другой корабль, и другое место, но я, знаете ли, очень торопилась, а ничего получше не подвернулось. И вдруг какой-то незнакомец, по виду мой ровесник, причем явно не местный – уж простите, Вейриш, но русые волосы и зеленые глаза для них не характерны, – определенно узнает меня в лицо и называет по фамилии! Мы с мамой очень похожи внешне... и что, по-вашему, после этого сложно сделать вывод?

– И правда, не сложно, – согласился я. – Видимо, у вас это семейное.

– Еще бы, – серьезно ответила она, остановилась и снова протянула мне свободную руку. – Я-то не представилась... Независимый судебный маг Фергия Нарен в поисках временного пристанища – к вашим услугам!

– Что это означает? – осторожно спросил я.

– Независимый судебный маг? Вы не знаете? Я вам сейчас объясню!

– Нет! Об этом я осведомлен даже слишком хорошо... – Я невольно потер то место, в которое когда-то воткнулась арбалетная стрела с заклятием на острие. – Я о поисках пристанища. Вас что, из дома выгнали?

– Один-один, – пресерьезно сказала Фергия. – Ну... почти. Меня не выгнали, я была вынуждена исчезнуть как можно скорее в самом неизвестном из неизвестных направлений. Надеюсь, мне удалось достаточно хорошо запутать след...

– Что же вы такое натворили? – не удержался я от вопроса.

– Это слишком страшно, – искренне ответила она. – Я не могу поведать вам о подобном, чтобы не подвергнуть опасности вас, ваших близких и всё южное побережье. Просто поверьте: мне лучше не показываться дома в ближайшие... лет сто. Впрочем, я и не собиралась там оставаться: Арастен слишком тесен для нас с мамой! Кроме того, есть ведь другие судебные маги, и было бы некрасиво отбирать у них скромный заработок, не правда ли?

– Да неужели... Кто-то выжил и даже держит практику?

– Не может же мама заниматься всякой ерундой, – фыркнула Фергия, поправила красный платок и показала неприличный жест торговцу, который свистнул ей вслед.

Зря, жест был арастенским, и торговец вряд ли его понял. Хотя, может, на том и строился расчет?

– К тому же скучно там, – продолжила она. – Всё одно и то же, и у соседей... На Севере получше, но там меня станут искать в первую очередь.

– То есть вы полагаете, что вас станут разыскивать? – уточнил я.

– Не сразу, – туманно ответила Фергия. – Но рано или поздно начнут. Так или иначе, на Севере и без меня ведьм хватает, а ремесло моё не востребовано. На востоке еще скучнее, чем в Арастене, а значит, мне оставались запад и юг. Поэтому я и отправилась на первом попавшемся корабле куда глаза глядят и ветер несет!

– Вас так могло на Западный архипелаг занести, – любезно заметил я.

– О, это в планах, – заверила она и улыбнулась еще шире. – Я бы и рада улетучиться именно в том направлении, но не подвернулось ни одного подходящего судна, а ждать было некогда. С другой стороны, посудите сами, как удивительно свела нас судьба посреди шумного порта!

– Аю подсказала... – пробормотал я и ужаснулся. Так она вот эту встречу имела в виду?! Не могла предупредить?..

– Еще лучше. – Фергия огляделась и добавила: – Вы меня чрезвычайно обяжете, Вейриш, если покажете, где здесь селят, кормят и... да, моют. Пахнет от меня отнюдь не розами, а я все-таки молодая женщина, а не грузчик!

– Думаю, – сказал я, понимая, что загоняю себя в ловушку, – Аю смертельно обидится, если я не приглашу вас в наше скромное жилище.

– Замечательно! – искренне сказала она.

«На это я и рассчитывала», – читалось в ее глазах.

Глава 3

– Скажите, Вейриш, – спросила Фергия, услышав, что мы направляемся в мое поместье, – а пруд у вас есть? Или хотя бы фонтан?

– Зачем? – не понял я.

– Отдыхать под сенью струй, зачем же еще? – вздохнула она, но всё же снизошла до пояснения: – Я, Вейриш, треть жизни провела на Севере. Из этой трети жизни я в лучшем случае одну пятую времени оставалась на суше. Понимаете?

– Привыкли к морю?

– Ну да. Здесь оно тоже есть, но, подозреваю, хотя бы до бухточек или заливов, где можно искупаться, не вляпавшись в какую-нибудь портовую дрянь, отсюда далековато.

– Отчего же, я знаю такие местечки, сам люблю окунуться, – ответил я, потом сообразил, что я-то туда летаю, и согласился: – Они и впрямь не слишком близко.

– Печально, – вздохнула Фергия. – Что ж, придется привыкать...

– Если вы так любите воду, может, вам лучше было сделаться заклинательницей ветров или... – Я развел руками, не зная наименований для таких специалистов.

– Нет, погодная магия – не для меня, – тут же сказала она. – Тем более обычным магам-погодникам со мной не тягаться, неинтересно. А Северным ведьмам я сама в подметки не гожусь. Уметь-то я кое-что умею, мне достаточно, но это явно не дело всей моей жизни.

– Я мог бы не сомневаться в том, что вы пошли по стопам матушки...

– Даже если бы я захотела свернуть, меня моментально вернули бы на путь истинный. Я не жалуюсь! – не дала мне Фергия открыть рот. – Именно наше ремесло – самое интересное, и в нем всяким умениям найдется применение...

– Только в Адмаре нет судебных магов, – любезно заметил я.

– Прекрасно, – пожала она плечами. Жест был в точности такой, как у госпожи Нарен. – Значит, я буду единственной! Без конкуренции, конечно, немного скучно, но со временем коллеги появятся, как вы полагаете?

– Не появятся.

– Что, здесь настолько плохо с магами?

– Нет, с магами здесь всё как раз замечательно, – заверил я. – Их предостаточно, на любой вкус и кошелек. Я имел в виду: ваша Коллегия здесь не имеет особой власти.

– Так это же замечательно! Вы не представляете, насколько занудны ее действительные члены! Особенно мои ровесники, – добавила она. – Даже удивительно: обычно подобного ожидаешь от замшелых стариков, а не юнцов, ан поди ж ты!

– Фергия, можно, я закончу мысль? – попросил я, и она кивнула.

Кажется, я начал понимать, за что госпожа Нарен выставила дочь из дома. Нет, вряд ли за одну лишь чрезмерную говорливость, но это наверняка было не последним пунктом в списке прегрешений Фергии.

– Я начал с того, что Коллегия не имеет здесь большого влияния, – повторил я. – А о том, чтобы позволить магам, да еще независимым, вести расследования и тем более выносить какие-то решения, чем, помнится, частенько занималась ваша матушка, и речи быть не может. Адмарские сыщики прибегают к услугам магов, колдунов, даже прорицателей и гадателей, но не более того. А еще... Вы женщина.

– Да, я определенно не мужчина, – согласилась Фергия. – Вы только что заметили?

– Я не к тому... – Мне захотелось схватиться за голову. – Будь вы хоть сильнее всех придворных магов, вместе взятых, вас не то что не наймут даже для розыска пропавшей булавки, а и слушать не станут!

– Почему?

– Я же сказал – вы женщина! Это...

Отчаявшись объяснить, я указал на окружающий нас пестрый базар:

– Оглянитесь. Вы видите женщин, свободно идущих куда им вздумается?

– Вот те две явно устремились в лавку с тканями, – кивнула Фергия. – Та весьма бойко торгуется с пузатым господином в полосатом одеянии и явно выигрывает, а эти... Ого! Послушайте, Вейриш, может, стоит поменять наших несчастных носильщиков на этих дам?

Я покосился на рослых женщин с таким могучим разворотом плеч и такими бицепсами, что при виде их устыдился бы не один признанный силач. Все они несли на головах и плечах кто громадную корзину, а кто и бочку. Широкие бедра плавно покачивались под тонкой тканью коротких, едва до колен, юбок, босые ноги ступали твердо и уверенно, так что тяжелая кладь не сдвигалась ни на волос. Темная кожа, украшенная сложными белыми узорами, блестела от пота, сверкали белки глаз и зубы, когда носильщицы переговаривались между собой. На окружающих они смотрели, как громадный тяжеловоз на цыплят – не затоптать бы ненароком...

Всё-таки мне не доставало красноречия дядюшки Гарреша! Но я попробовал еще раз:

– Фергия, я говорил не о торговках и носильщицах!

– А, вы имеете в виду, что порядочным дамам не положено бродить в одиночку? Тем более по всяческим подозрительным местам?

– Именно! Это ведь и в Арастене так, верно?

– Конечно. Но мне-то что с того? Я все-таки не знатная барышня на выданье, и даже если кто-то застанет меня в златном заведении... Кстати, потом расскажете, где они у вас прячутся, на виду пока ни одного не попалось! Так вот, вряд ли это повредит моей репутации, – завершила она мысль.

– Еще как повредит, – пробормотал я и предпринял последнюю попытку: – Фергия, здесь не Арастен и тем более не Север! Здесь женщины не ведут дел! То есть они могут работать, но это совсем другое дело. Аю... Аю может видеть будущее, поэтому у нее спрашивают совета, но и то лишь соседи. Вздумай она открыть... не знаю... гадальный салон, ее бы ославили на весь Адмар, назвали мошенницей... И мне бы досталось за то, что позволяю супруге подобные вольности! Ну а к прочим вовсе не станут прислушиваться! Даже к самым знатным и богатым – не станут, потому что...

– Потому что они всего лишь женщины, – кивнула Фергия. – Какая дикость!

Я хотел было сказать, что с точки зрения рядового адмарца дикостью кажутся нравы вольного Севера, но не успел. Фергия вдруг широко улыбнулась:

– По-вашему, когда я учила язык, я ничего этого не выяснила?

– Ах вот как... Выяснили, значит, – процедил я. – И зачем тогда я произносил столько ненужных слов?

– Ну... За вами забавно наблюдать, – честно ответила она. – А еще мне было интересно, как вы выкрутитесь, стараясь объяснить мне, что женщины в Адмаре не имеют прав и свобод, но при этом не задеть меня даже в малости. Чувствуется, общение с мамой не прошло для вас даром...

– В каком смысле? – опешил я.

– Вы явно опасаетесь схожей реакции, – пояснила Фергия. – Но не переживайте, я самую чуточку сдержаннее. И потом, вы не сказали ничего обидного лично для меня, так на что же мне злиться? А местные порядки... Мне они действительно кажутся... хм... своеобразными, но я-то не адмарка!

– Вот именно. Иностранок здесь вообще за людей не считают, – буркнул я. – И если вы об этом знали, то как, скажите на милость, намеревались здесь работать?!

– О, – произнесла Фергия и снова улыбнулась. – Так ведь это и есть самое интересное! Ну какое удовольствие открывать практику буквально на всём готовом? Там, где на слуху наша

фамилия, где к независимым судебным магам относятся с уважением, даже к не слишком-то опытным?

– То есть вы не сбежали, а отправились покорять новые... м-м-м... горизонты? – уточнил я, отказываясь что-либо понимать.

– Скажем так, я совместила приятное с неизбежным. И я не договорила, Вейриш! Что вы меня перебиваете постоянно?

– Я перебиваю?!

– Ну я же не сама с собой разговариваю, следовательно, вы, – заявила она. – Так вот, Вейриш... Я прекрасно осознаю, что на мага-сыщика – уж забудем пока о нашем громком именовании, – да еще женского пола здесь поначалу будут смотреть, как на двухголового теленка, говорящего притом. Наверняка станут насмехаться, а может, и вредить.

– Думаете? – мрачно спросил я.

– Уверена. Вы полагаете, маме просто было заслужить уважение? Добиться того, чтобы ее перестали сравнивать с дедом, с отцом, относиться пренебрежительно лишь потому, что она женщина? У нее на это не один десяток лет ушло! И это во вполне просвещенном Арастене!

– Теперь я понимаю, почему у нее такой характер...

– Нет, что вы, дед говорит, он всегда такой был, – фыркнула Фергия. – Хотя с возрастом... закалился.

– Словом, вы решили перешеголять матушку и начать дело с нуля? Там, где вас никто не знает, не помнит ваших предков и их деяния, где репутацию придется создавать буквально из ничего?

– Ну почему же – из ничего? – удивилась она. – Голова при мне, знания в голове имеются, магия тоже никуда не делась, а что еще человеку нужно?

– Вы не знакомы со здешними порядками, – мрачно сказал я.

– Ничего, познакомлюсь, у меня вся жизнь впереди, – жизнерадостно заявила Фергия. – Я, собственно, и рассчитывала для начала пожить в Адмаре, оглядеться, завести знакомства, а уж потом браться за дело. Может, начинать придется с ерунды вроде пропажи булавки, о которой вы упомянули, но... Лет через пятьдесят посмотрим, а, Вейриш?

– Мне бы ваш оптимизм, – покачал я головой. – Впрочем, спорить не стану!

– Почему? Бойтесь проиграть?

– Нет, опасаясь, что не с кого будет требовать выигрыш.

– Это вы так изящно предупреждаете меня, чтобы я была осторожнее? Могли бы не утруждаться, я не вчера на свет появилась. И вообще, Вейриш, складывается впечатление, будто вы меня отговариваете... О, ну конечно же! – Она хлопнула себя по лбу. – Я поняла!

– Что вы поняли?

– Как же я могла забыть! – Фергия картинным жестом заломила руки. Признаюсь, я уже начал скучать по немногословной и сдержанной Флоссии Нарен, которая чаще всего изъяснялась односложно. Или вовсе ничего не говорила, только выразительно хмыкала. – Вы мой конкурент!

– Что?.. – Я чуть в верблюжий навоз не наступил, до того изумился.

– То! Вы же говорили маме, что сами намерены попробовать силы в расследованиях, именно как частный сыщик... Прошло столько лет, и вы, с вашими способностями, средствами и знанием местных реалий, наверняка заняли подобающее место... И вдруг являюсь я! Конечно же, вам не нужна соперница, пускай и менее опытная, но ретивая... Скажете, я не права, Вейриш?

– Э-э-э... – только и смог выговорить я. – Нет!

– Да неужели? – сощурилась Фергия. – А действия ваши говорят об обратном!

Ну не мог же я сказать, что благополучно позабыл о своем мимолетном желании, стоило мне вернуться в Адмар? И без того забот хватало...

– Вейриш-шодан, – окликнул меня знакомый торговец коврами и почтительно поклонился. – Эта странная женщина тебе докучает? Хочешь, я прикажу моим сыновьям прогнать ее?

– Убедились? А мы ведь просто беседовали! – прошипел я и хотел было ответить мужчине, но Фергия меня опередила.

– Это ты нам докучаешь, любезный, – сказала она ему на адмарском, со столичным выговором: только там так тянут гласные и смачно раскатывают «р». – И встречаешь в частную беседу, к слову. Кстати, вот тот ковер у тебя мышами трачен, да-да, именно тот, с красной бахромой.

– Что ты говоришь, женщина! – возопил торговец, позабыв даже удивиться тому, что чужестранка настолько хорошо говорит на его языке, и схватил край указанного ковра. – Где... А-а-а!.. Я убью этого сына плешивого осла и блудницы, эту безмозглую ящерицу, этого навозного жука...

– О ком это он? – шепотом спросила Фергия.

– Не знаю. Наверно, о том, кто должен был следить за товаром, – так же тихо ответил я. – Или о хозяине склада. Идемте отсюда скорее, пока на крики весь базар не сбежался...

– Нет, погодите, я хочу узнать, в чем дело, – заупрямилась Фергия и подошла к торговцу поближе. Тот ворошил ковры, то и дело раздражаясь бранью. – Ага... Интересно!

– Что вам интересно? – Я взял было ее за локоть и попытался увлечь прочь, но тщетно. С тем же успехом я мог бы пытаться сдвинуть с места статую. С той лишь разницей, что статуи не сопротивляются, – Фергия чувствительно заехала мне локтем под ребра.

– Уважаемый! – обратилась она к торговцу. – Уважаемый, заклинаю: перестань причитывать подобно женщине и обрати ко мне лицо, а не седалище! Оно, конечно, тоже выражает страдание, но мне хотелось бы слышать человеческую речь вместо...

– Вейриш-шодан! – простонал он, распрямившись и напрочь игнорируя Фергию. – Что нужно этой чужестранке? Она хочет посмеяться над моим горем? Пускай смеется! Пускай все смеются! Итиш разорен!..

– Чужестранка умеет разговаривать человеческим голосом, если ты не обратил внимания, – дружелюбно заметила Фергия. – Ну же, Итиш-шодан, успокойся и взгляни на меня. Я здесь, прямо перед тобой, видишь? Со мной тоже можно общаться, здорово, правда?

И она помахала рукой перед его носом, так что бедняга вынужденно посмотрел на нее.

– Что тебе нужно, женщина? – процедил он, поглядывая на меня в поисках подсказки: кто эта незнакомка, что она здесь делает, как связана со мной...

Я, однако, предпочел не вмешиваться. Если Фергии Нарен угодно постигать сложности жизни в Адмаре – всё кругом к ее услугам! Надеюсь, я успею спасти ее до того, как явится стража... вернее, спасти стражу от неё. Потом придется укрывать беглую преступницу и как-то отправлять ее за пределы Адмара, но это уже мелочи, право...

Углубившись в свои мысли, я как-то упустил момент, в который Итиш и Фергия принялись кричать друг на друга громче прежнего, перетягивая злосчастный ковер. Как только не порвали...

– Я тебе говорю, это не мыши!

– Ты сама сказала, что мыши! И глаза меня пока не обманывают!

– А меня обманули! Я слабая женщина, вот и ошиблась, и вообще, ковер был в тени, а издали поди разгляди! Теперь вижу – не мыши его попортили!

– А кто?! Кто, скажи, выгрыз такую дыру и объел бахромку?!

– Моль у вас тут водится?

– Это не моль! Следы бы остались, а здесь ничего! И не завелась бы она, не успела просто, мои ковры раскупают быстро! Вдобавок я всегда пересыпаю их душистыми травами от насекомых! Значит, мыши!

– А они, по-твоему, еще и краску из нитей высасывают? – неожиданно тихо спросила Фергия, и Итиш замер, поднеся ковер к носу. – Что ты замер, уважаемый? Кстати, дай понюхать...

– Не пахнет мышами, – сказал он, дав вытянуть у себя из рук ткань.

– Кое-чем другим пахнет, – задумчиво произнесла Фергия, тоже обнюхав пострадавший ковер. – Дай-ка еще один, проверю. Сам не чувствуешь, что ли?

– Кислое что-то, – ответил Итиш, изо всех сил втягивая носом воздух. – Не пойму... будто уксус, но всё же не совсем...

– Ага... А покажи-ка, уважаемый, остальные ковры!

Я и глазом моргнуть не успел, как она уже оказалась внутри лавки и вместе с Итишем принялась ворошить ковры, приговаривая:

– Гляди, уважаемый, дыра есть только на том, что висел сверху, на виду, правильно?

– Иначе бы ты его не заметила!

– Вот именно. Этот был под ним, точно? Ты уверен?

– Еще бы я не был уверен! Каждый ковер, каждый узор, над которым трудились моя бедная, почти слепая мать, моя жена и дочери, я знаю лучше, чем рисунок у себя на ладонях!

– Это очень красиво звучит, – серьезно сказала Фергия, – но давай не будем отвлекаться. Смотри, Итиш-шодан, на верхнем ковре довольно большая дыра. На следующем – чуть меньше, потом еще меньше, а на нижних ткань осталась цела, только краска почему-то выцвела. Тебе это ничего не напоминает? Если твои родные ткут ковры, то, наверно, ты много знаешь и о том, как окрашивают нити?

– Еще бы! – вскричал Итиш. – Мой брат – хозяин красильни, и только у него выходят самые яркие, самые стойкие цвета, которые не выгорают под солнцем, не блекнут под дождем, не истираются под ногами, хоть век ходи по ним!

– Да у вас семейный подряд... – пробормотала она и тут же самокритично добавила: – Впрочем, кто бы говорил! Гм... это к делу не относится. Так вот, о секретах твоего брата я спрашивать не стану, Итиш-шодан, скажи лишь вот что: наверняка ведь существуют едкие составы, которыми протравливают пряжу, чтобы закрепить краситель?

– Конечно, женщина! – раздраженно ответил он. – Красильщик должен быть здоровее быка, чтобы не умереть раньше времени, – он же дышит этим ядом изо дня в день!

– Надеюсь, твой брат здоров, – серьезно сказала Фергия, и Итиш прижал руки ко лбу, давая понять, что, хвала всем богам, с родными его все в порядке. – Уважаемый, так скажи мне: если вылить такое вещество на уже готовый ковер, что случится?

Торговец замер, так и не опустив руки, задумался...

– Но кто?! – возопил он. Сообразил наконец, что ковры не сами собой испортились и мыши тут ни при чем. – Зачем?!

– Откуда же мне знать, уважаемый? – усмехнулась Фергия. – Я всего лишь чужестранка, указавшая тебе на дыру в таком красивом ковре. А уж кто и чего ради решил испортить твой товар – думай сам. Зачем тебе совет глупой женщины, которая не знакома с твоими родственниками, не в курсе твоих отношений с другими торговцами, поставщиками и прочими и не представляет, кто мог замыслить недоброе? А главное, чего ради? Может, тебя хотели очернить? Или выставить глупцом в глазах покупателей? Или намекнуть им... – Тут она нагнулась поближе и шепнула: – Что ты стал совсем слаб глазами и не видишь прорех на собственных коврах?

– Э... – выговорил Итиш, и я понял, что он попался.

В Адмаре подносить вещи к глазам, чтобы рассмотреть получше, – признак хорошего тона, и откуда мне было знать, что Итиш действительно близорук, а не просто следует правилам приличия? Я мог бы проверить, но мне такое и в голову не приходило!

– Кто-то мимоходом вылил нечто едкое на твои ковры, – подвела итог Фергия. – Не думаю, что ты разоришься от такой потери, Итиш-шодан, но история неприятная, согласишься? В следующий раз такой раствор могут выплеснуть не на ковры, а тебе в лицо.

Клянусь, смуглое лицо торговца сделалось цвета остывшего пепла. Должно быть, он вживе представил, что такая жидкость может сотворить с его кожей, если уж разъела даже хваленую прочнейшую ткань!

– Если не сможешь угадать сам, кто виноват, Итиш-шодан, – сказала Фергия, – попроси меня о помощи. Мое имя – Фергия Нарен, а найти меня ты сможешь в доме Вейриша-шодана. Ну, во всяком случае, сегодня, – добавила она, оценив выражение моего лица. – Надеюсь, на сутки его гостеприимства хватит, а потом он подскажет тебе, где меня искать. И заметь, уважаемый, я не потребовала с тебя даже медной монеты за свою работу!

– Работу?! – взвыл несчастный Итиш.

– Именно так. Я расследую преступления, уважаемый, – улыбнулась она и даже развернулась, чтобы окружающим было лучше слышно. – Любые. Чем сложнее дело, тем больше плата. В твоём случае, думаю, картина окажется сложнее, чем узор на лучшем ковре твоей достопочтенной матери...

– Вейриш-шодан... – Торговец обернулся ко мне в поисках поддержки.

– Фергия-шади будет гостить у меня, – сказал я. – Она дочь уважаемых людей. Ее мать когда-то спасла мне жизнь и даже более того – сохранила честь семьи моего дяди, ты знаешь его. Мы оба в большом долгу перед ней.

Хочу заметить, я не солгал ни единым словом, однако прозвучало это весьма внушительно. Собравшиеся зеваки (а на шум их подоспело немало) заперешептывались, и я уверился в том, что еще до вечера вся округа будет знать о беде Итиша, о моей чужеземной гостье и ее странных речах. И чтоб мне провалиться, если Фергия не рассчитывала именно на это!

– Я лишь проходила мимо, – мило улыбнулась она. – И потому действительно не возьму денег, даже если ты станешь мне их предлагать, Итиш-шодан! Уж будто так сложно заметить непорядок и сказать о нем хозяину лавки? Куда сложнее заметить злое намерение, но ведь Итиш-шодан и сам догадался бы о нем рано или поздно, не так ли? Вот только такое «поздно» может обернуться разорением и смертью... Понимаешь, к чему я клоню?

Итиш кивнул. Он явно чувствовал, что его в чем-то обманули, но как именно, сообразить не мог.

– Вот и славно. Найти меня, повторяю, можно у Вейриша-шодана, – уже другим тоном проговорила Фергия и взяла меня под локоть. – Всего тебе доброго, уважаемый.

– Но... за добрый совет тоже положена плата... – сумел он выговорить.

– Право, не стоит беспокойства. Я же не нашла злоумышленника, не так ли? И не стану его искать, пока ты меня об этом не попросишь. А это, – Фергия махнула рукой на ворох ковров, – просто наблюдение досужей путешественницы. Может, виной всему досадная случайность и неуклюжесть какого-нибудь слуги, который побоялся признаться в содеянном. Ну что, идем, Вейриш?

– Он сейчас оскорбится... – проговорил я едва слышно.

– Я знаю, – ответила она. – Посмотрим...

В себя торговец приходил недолго, и уже скоро над базаром зазвучало:

– Что же, чужестранцы станут говорить про Итиша, будто он не платит добром за добро? За хороший совет не предложит даже чашечки ойфа? Не расплатится по чести?

– Уважаемый, вы мне ничего не должны, – уговаривала Фергия, весело блестя глазами, но Итиш не унимался. – И не хватайте меня за руки! Ох, ну хорошо, если вы так настаиваете... Я возьму вот этот ковер!

– Он дырявый! – схватился за тарбан Итиш.

– Ну и что? Эта дырка подчеркивает совершенство узора, – невозмутимо ответила она. – Кроме того, она будет напоминать мне о бренности всего сущего. И о нашем знакомстве. И о том, что случайный взгляд порой может изменить чью-то судьбу. Не так уж и мало, как повашему? Даже не спорьте, Итиш-шодан, я согласна на ковер!

Они спорили еще долго, но в итоге Фергия все-таки победила. Итиш осел на грудку товара, утирая пот со лба, а она повернулась ко мне, вскинув на плечо скатанный в трубку ковер и едва не зашибив им любопытствующих.

– Идемте, Вейриш? А то час уже не ранний, жарковато...

– Да, пожалуй, – согласился я и повлек ее за собой. Попыток отобрать ковер я не делал. Хочется ей нести – на здоровье! Правда, не удержался и спросил все-таки: – Зачем вам эта штуковина?

– На память, – ответила Фергия. – О первом моем деле в Адмаре.

– Каком деле, о чем вы?

– Ну как же? Этому смешному торговцу действительно кто-то напакостил, и в следующий раз кислота... или чем там облили ковры, надо будет проверить... Словом, она может оказаться на нем самом, как я ему и сказала, – пояснила она.

– И вы хотите сказать, будто случайно углядели Итиша среди десятков других?

– Именно так. И не смотрите на меня с укоризной, Вейриш! Если бы мне не подвернулся он, я поймала бы за руку воришку, заметила обвес... – Она улыбнулась. – На любом рынке этого хоть отбавляй, заметишь, если знаешь, куда смотреть! И я уже поглядывала на одного симпатичного карманника с ручной обезьянкой – он обчищал кошельки, пока зверюшка забавляла публику, – но вдруг заметила Итиша... По-моему, удачно вышло, а?

– Да уж, вас слышал весь базар, – согласился я. Голос у Фергии был такой, что впору армией командовать: гаркнет – боевой алефант присядет.

– Именно. – Фергия посерьезнела. – Открыть дело можно, Вейриш, даже чужеземке это позволят, если заплатить вдоволь. Но кто ко мне придет? Даже любопытные не заглянут, это ведь не Арастен, как вы верно подметили. Однако слухом земля полнится, и уже к вечеру многие узнают о Фергии-шади!

– И о ковре с дырой... – пробормотал я.

– Да, и о ковре, – согласилась она. – Повторяю, Вейриш, это не простая вещь!

– А что же?

– Символ! У меня пока нет собственной гостиной, но когда появится, я повешу его на стену. Ну а если вы выгоните меня за порог прежде, чем я найду себе жилье, я смогу спать, завернувшись в этот ковер. Или даже сооружу из него маленький шатер, я же маг, в конце концов.

– Ваша матушка не пользовалась магией по пустякам.

– Ничего себе пустяк! – воскликнула Фергия и перекинула ковер на другое плечо. – Это вопрос выживания!

– Скажите, – произнес я, отчаявшись заставить ее говорить серьезно, – как вы это спланировали? В особенности мое участие!

– Я же сказала, что в курсе местных обычаев, поэтому собиралась повести себя именно так еще до того, как встретила с вами. Ну, быть может, не в первый же день, но все же... А вы стали неучтенным фактором, – заверила она. – Неучтенным, но каким ценным! Пришлось немного скорректировать планы, и вышло, на мой взгляд, преотменно.

В ее словах был резон: мало того, что Фергия подняла шум на весь базар, так еще и показала рядом со мной. И я за нее, можно сказать, поручился. Следовательно, теперь должен отвечать за свои слова – мужчина я или нет?

– Знаете, Вейриш, – сказала вдруг она. – Я ведь угодила на эту дырявую галеру совершенно случайно. Я действительно собиралась на запад и уже выкупила место на замечательном корабле, который готовился к отплытию буквально через неделю.

– Но вас настигала погоня?

– А? Нет, что вы, времени хватало. Я колебалась – юг или запад, просто сюда нормальные корабли не шли, только грузовые. И вдруг эта галера, крики, вопли – кто-то то ли сбежал, не заплатив, то ли умер, то ли, наоборот, кого-то убил... Меня и потянуло на эту калошу, сперва узнать, в чем там дело, а потом... Потом я решила на ней остаться, – обезоруживающе улыбнулась Фергия.

Что ж, у капитана явно не было шансов устоять против ее дара убеждения, даже если он считал женщин на корабле причиной всех бед и не желал связываться с иностранкой даже за большие деньги. К слову о деньгах: он ведь ей еще должен остался, если я правильно понял разговор о попутном ветре. Кто же его поднял, если не Фергия?

– Когда бы еще подвернулся такой случай? – продолжала она. – Чтобы не ждать в порту, а отчалить почти сразу... Я и ухватилась за него! Знаете, я привыкла слушаться интуиции, вот и на этот раз она не подвела, раз мы с вами встретились!

«Лучше бы я остался дома!» – подумал я, но вежливо кивнул. Мне уже ясно было, что вместе с Фергией Нарен в мою размеренную, спокойную и уютную жизнь ворвался неуправляемый хаос, и что с этим делать, я пока не знал...

Глава 4

Стоило слугам распахнуть ворота, как на нашем пути воздвиглась Фиридиз в неизменном заляпанном переднике, по очереди смерила взглядом меня и гостью и мрачно спросила:

– Шодан привез новую женщину? А почему такую худую? И старую?

Я не успел отреагировать – Фергия захохотала так, что ее лошадь шарахнулась, и сказала:

– Какая первобытная непосредственность! Почти как на Севере, клянусь! Кажется, мне начинает здесь нравиться...

– Поди прочь, – велел я Фиридиз. – И скажи, чтобы приготовили покои для гостии.

– Всё давно готово, шодан, – ответила она. – Аю-шодэ распорядилась, едва ты уехал.

– Как славно, – сказала Фергия, спрыгнув с лошади и взяв ковер для разнообразия подмышку. – Я, конечно, все еще незваная гостья, но как минимум не неожиданная. А где же сама хозяйка дома?

– Аю здесь! – отозвалась от входа в дом моя супруга, и Фергия развернулась к ней. На этот раз ковром перепало мне, не успел увернуться.

– Точно такая, как мама описывала, только красивее! – воскликнула она, всучила свой трофей не успевшей удрать Фиридиз и широким шагом подошла к ступеням. – Рада встрече, Аю-шодэ. Я дочь...

– Аю знает, – широко улыбнулась та, спустилась с крыльца, протянула гостье обе руки, и они с чувством обнялись. – Дочь аяйки!

– Да, она упоминала, что ты ее так называла, когда не могла говорить... – Фергия отстранилась и с интересом посмотрела на Аю сверху вниз. – Но теперь, вижу, это позади.

– Она, к счастью, не болтлива, – вставил я, каюсь, не без желания уязвить.

Зря – Фергия этого не заметила. Или сделала вид, что не заметила.

– Идем в дом, – сказала Аю и потянула Фергию за собой. – Говорить потом. Сперва отдыхать. Амма уже готова.

– Это что за зверь? – с любопытством спросила та.

– Не зверь. Там моются, – пояснила Аю. – Разминают тело, это хорошо от усталости. Если Фергия хочет, Аю позовет Бушана. Он лучше всех.

– Не откажусь! – тут же загорелась гостья.

Я мысленно позлорадствовал: из огромных лап Бушана даже я выходил похожим на мягкую тряпочку, а я к таким процедурам привычен, да и в целом крепче обычного человека. Хотелось посмотреть, что он сотворит с непривычной к подобному женщиной с Севера...

Сам я тоже отправился освежиться, а потом еще долго ждал, когда гостья изволит появиться. Откуда-то из глубины дома доносился хохот, иногда визг на разные голоса (кажется, все мои шуудэ принимали участие в веселье), гулкий голос Бушана... Я даже пожалел, что не могу поучаствовать: вряд ли бы Фергия оценила мое вторжение в женское царство... Хотя постойте, как же Бушан? Он, правда, не мужчина в полном смысле этого слова, однако, по слухам, женщины заывают его в аммы не только ради целительного массажа. Чем они вообще там заняты столько времени?!

Наконец они появились – довольные и веселые. По Фергии никак нельзя было сказать, что она удивлена или поражена искусством Бушана. Да и амма не слишком на нее подействовала: разве что лицо покраснелось и волосы, сейчас не спрятанные под платком, а свободно распущенные по плечам, завились от влаги крупными кольцами.

– Что так долго? – спросил я Аю.

– Бушан учил Фергию, – пояснила она, подсовывая гостье подушки поудобнее. Та устроилась на них, поджав ноги, почти как делали в Адмаре. И все же – иначе. Сложно объяснить, но это различие явственно ощущалось.

– Чему учил?

– Всему, – последовал лаконичный ответ.

Аю хлопнула в ладоши, и служанка внесла напитки и угощение. Наконец-то!

– Этот ваш здоровяк – настоящий кудесник, – подала голос Фергия, когда утолила первую жажду. – Знает несколько приемов, которых не знаю я. И наоборот. Вот мы и обменялись опытом.

– А вы-то откуда...

– Так на Севере же научилась, Вейриш, – улыбнулась она. – Думаете, эти ваши аммы – исключительно южное изобретение? Отнюдь! У северян всё устроено немного иначе, там любят влажный пар, а не сухой жар... Но у вас мне тоже понравилось. Я бы разогрела камни посильнее, но одной вашей шуудэ и так сделалось дурно, так что я не рискнула.

– Талья, – пояснила Аю. – Не переносит жар. Всегда идет купаться последней, когда амма остынет.

– А почему не сказала сразу? В обморок же грохнулась, чуть голову не расшибла! Впрочем, понимаю, – сама себя перебила Фергия. – Все пошли, и она пошла, нельзя же отрываться от подруг. И на меня посмотреть любопытно, вдруг у меня... м-м-м... что-нибудь расположено не так, как у здешних женщин?

– Рисунки, – сказала Аю. – Красивые.

– Да, мне тоже нравятся, – согласилась та. – Долго с ними возились. Магией-то, конечно, проще, но это не то...

– Какие рисунки? – я снова ничего не понял.

– У меня на спине наколото кое-что, – пояснила Фергия. – На морскую тему, как несложно догадаться. Дед чуть не убил, когда узнал...

– Господин Нарен, значит, тоже жив и находится в добром здравии? – зачем-то спросил я. Я не был с ним знаком, но слышал достаточно.

– Да он всех нас, вместе взятых, переживет, – махнула рукой Фергия.

– Но он вам прадед, разве нет?

– Так короче, – вздохнула она.

– А почему он вас убить-то хотел? Что такого в наколке?

– Потому что мне было всего десять, когда друзья-приятели сделали мне первую наколку, – ответила она. – Он надеялся, что этим дело и ограничится, думал, я подрасту и сама выведу эту картинку и буду щеголять чистой кожей, но увы! Еще через десять лет я наведалась в те края, и... Правда, – добавила Фергия справедливости ради, – об этой части моих приключений дед не знает. Во всяком случае, я на это надеюсь.

– А матушка?

– Ей-то что? – пожала плечами Фергия. – Сперва покрутила пальцем у виска, потом развернула меня, присмотрелась и согласилась, что с определенного ракурса наколка выглядит весьма пикантно. Да ну, Вейриш, это совершенно не интересно! Подумаешь, кожа расписная... местами. Надоест – избавлюсь от этой красоты или переделаю. А вот вы...

– Что – я? – признаюсь, я невольно испугался.

– Я столько о вас слышала, – мечтательно протянула она, не забывая уничтожать поданные яства. Аппетит у госпожи Нарен-младшей был точно такой же, как у старшей: я помнил, как та трапезничала. Я за ней угнаться не мог, а я все-таки мужчина и дракон к тому же. – И Аю кое-что добавила. О том, например, что вы не очень-то таитесь и часто летаете куда-нибудь...

– Если это намек на то, что я мог бы вас прокатить, то я против.

– Ну не сразу, конечно же, – согласилась она. – Это даже как-то неприлично: седлать едва знакомого дракона. В смысле, я знаю вас по маминым рассказам, но она ведь и сама прожила с вами бок о бок всего ничего! И то большую часть времени вы то умирали, то бездельничали.

Я дар речи потерял от таких слов. Ничего себе – бездельничал! Я же помогал, как только мог!

– Но, бесспорно, если бы не вы, мы бы сейчас не разговаривали, – вдруг совершенно иным тоном заключила Фергия.

– За это в первую очередь нужно благодарить Аю, – сказал я.

– Я уже, – заверила Фергия, и та кивнула. – Но если бы вы не поняли, чего именно она от вас хочет, то, боюсь, всё завершилось бы весьма печально. Что для нашей семьи, что для вашей. Я имею в виду, мы-то с дедом были на Севере, но...

– Но памятуя об упорстве врага вашей матушки, он сумел бы разыскать вас, – кивнул я, припомнив тот страшный шторм.

Показалось вдруг, будто откуда-то повеяло холодным ветром, захотелось прикрыть спину от проливного ледяного дождя, а пуще того от непрерывно бьющих молний – я уже не различал, обычных или магических. Я вообще не видел, куда лечу, что передо мной – грозовая туча, огромная волна или утёс! И не понимал, что делать: бросаться в сторону, вверх или, наоборот, нырять? Да и сил не осталось, крылья не держали, я мог только отдаться на волю ветра, ловить восходящие потоки и стараться не свалиться камнем вниз, но надолго меня бы не хватило. Я не мог вырваться из этого шторма, не мог даже сесть на воду, рискуя разбиться о скалы...

Я невольно подумал: «Ведь не было же ничего подобного! Был смерч над островом, молнии, не страшные для нас... И где все остальные? Дядя? Почему я никого не...»

Темная громада впереди вдруг заняла всё поле зрения, даже молний я больше не видел, не слышал раскатов грома. Она навалилась на меня невозможной, непереносимой каменной тяжестью, и я почувствовал, что падаю, падаю, падаю в бездонную пропасть, в которой даже воздух не держал – сколько ни молоти крыльями, не взлетишь! Его вообще не было, я тщетно пытался сделать вдох, но ничего не выходило, кровь уже гремела в ушах, глаза заволокла кровавая пелена, сердце мое, сердце сильного молодого дракона вдруг пропустило удар, другой, и...

Видение было таким ярким, почти физически ощутимым, что я содрогнулся... и очнулся, лежа на полу.

– Вейриш, – Фергия осторожно похлопывала меня по щекам. Ну, как «осторожно», таким шлепком кого-нибудь более хлипкого убить можно. – Вейриш, что с вами? Ответьте же, ну!

Я и рад был бы сказать, что со мной все в порядке, но не смог. Не было сил даже пошевелить пальцем, не то что произнести несколько связных слов!

– Аю, с ним часто такое бывает?

– Никогда не бывает, – покачала та головой и положила мне на лоб узкую прохладную ладонь. Лицо ее оставалось невозмутимым, но я знал жену достаточно хорошо, чтобы понимать: она очень напугана. – Аю не видела.

– И в чем же дело? Вряд ли он на солнце перегрелся! И не пил вроде бы, вел себя совершенно адекватно... – Фергия наклонилась ниже и бесцеремонно обнюхала мои губы. – Ничем таким не пахнет, да только я не знаю все вещества, которые у вас здесь употребляют. А уж какой они могут дать эффект... Аю?

– Вейриш ничего не жует и не курит, – твердо сказала та. Потом поправилась: – Нет, иногда курит с другими мужчинами, но это не злые зелья. Просто каррис. Пьет вино. Аю бы знала о другом.

– Ну не восторг же от лицезрения моей, вне всякого сомнения, неотразимой персоны уложил его в такой глубокий и продолжительный обморок... Вейриш, – она снова потормошила меня, – вы хоть моргните, дайте знак, что слышите и понимаете! А то, может, вас удар хватил и вы разума лишились, а я тут распинаюсь!

– Умеете вы... ободрить... – с усилием выговорил я и попытался сесть.

– Это у нас семейное, – напомнила Фергия, цепко взяла меня за запястье и принялась считать пульс. – Знаете, вы будто только что прилетели с Северных островов, причем гнали со всех крыльев и ни разу не остановились передохнуть. Аю, сама послушай, как у него сердце заходится!

Та просто приникла к моей груди, но скоро выпрямилась и кивнула.

– Однако вы никуда на наших глазах не летали, сидели и мирно беседовали, – продолжила Фергия. – Что же могло вызвать такой приступ? Подобное сердцебиение случается от сильного испуга, но не меня же вы испугались?

– Видение, – выговорил я наконец. – У нас бывают...

– Да, мама говорила, – поняла она меня. – Но я полагала, это что-то наподобие предчувствия или... не знаю, интуиции, как у меня.

– Обычно так и есть.

Я потянулся за водой и опустил руку, так она дрожала. Я даже после кошмарной попойки в Арастене не чувствовал себя настолько скверно! Аю поддержала мне голову и поднесла пиалу к губам. Немного полегчало.

– Значит, в этот раз случилось что-то необычное, – произнесла Фергия, в упор глядя на меня. – Ну же, Вейриш, говорите, вы уже не умираете!

– У меня никогда не случалось видений, – сказал я. Она была права: противная дрожь во всем теле быстро унялась, сердце успокоилось, и дышал я уже не как загнанная лошадь. – И ни от кого из старших я не слышал, чтобы у них бывало подобное. Это из области преданий... Может, прабабушка Иррашья что-то такое знает, но я ее видел только издали...

– А что гласят предания? – поинтересовалась Фергия. – Я помню, что драконам нужно крайне внимательно относиться к предчувствиям, чтобы не влипнуть в неприятности, но большего ни вы, ни Гарреш маме не рассказывали.

– Да кто же мог знать... – Я вздохнул поглубже. – Видение для дракона – это... это не предчувствие. То только предостерегает, и можно избежать беды, если держать глаза открытыми и думать головой. А видения – о том, что случится неизбежно.

– И что же вы узрели, Вейриш? – негромко спросила Фергия, и я ответил:

– Свою смерть.

Аю смотрела на меня не мигая, и мне вдруг почудилось: она давно знает о том, что меня ждет. Ашшу тоже прекрасно различают зыбкие тени вероятностей и неотвратимые события.

– Ты что-то углядела? – спросил я, и она медленно покачала головой.

– Аю не видит. Слишком далеко. Слишком темно. Никак не добраться.

– То есть Вейриш умрет, но случится это так нескоро, что ты просто не доживешь, а потому и увидеть этого не можешь? – непосредственно поинтересовалась Фергия, и Аю кивнула с заметным облегчением. – Хм... Интересно, что же с вами такое случится, Вейриш? Что там было?

– Смерть, я же сказал, – повторил я.

Такой свинцовой усталости я давно уже не испытывал, и если Аю после своих прозрений ощущает что-то подобное, то... не знаю даже, как держится, она ведь почти постоянно подмечает какие-то мелочи! Может, дело привычки? Или же суть нашего дара различна?

– Какая? – не отставала Фергия. – Вас подстрелили из пушки? Вы напились пьяным, взлетели на самую высокую здешнюю гору, поскользнулись на леднике, упали и сломали шею? Хотя вряд ли, дед говорил, драконы прочные, замучаешься, пока вскрыешь... Ну же, не молчите!

– Кажется... – сказал я, сложив два и два, как она выражалась. – Кажется, меня настиг злой рок. То, что поджидает в небе и в море. Аю тоже это видит и запрещает мне летать в такие дни. Как сегодня. Верно же?

Аю кивнула.

– Похоже, оно было совсем близко...

– Что?

– Я не знаю, – развел я руками. – Никто не знает.

– Дядя сказал Вейришу разобраться, – сообщила Аю. – Давно.

– Давно по чьим меркам, человеческим или драконьим?

– Вейриш тогда сделал меня женой, – подумав, ответила она.

– Значит, прошло не меньше тридцати лет... И как успехи? – с живым любопытством спросила Фергия, и Аю выразительно вздохнула. – Да, а в чем именно нужно разбираться?

– Право, не стоит беспокойства, – ответил я.

Мне вовсе не хотелось посвящать Фергию в эту историю. Я, признаюсь, и сам не хотел в нее лезть, что бы там ни придумал дядюшка.

– Как угодно, – неожиданно легко сдалась Фергия...

И я сразу же понял, почему.

– Аю скажет, – произнесла моя жена.

– Не надо!

– Аю скажет, – упрямо повторила она, и я осекся. Запрещать что-то ашшу себе дороже. – Родные Эйша гибнут. Друзья. Совсем незнакомые. Много. Никто не знает, почему. Войны нет. Люди их не убивали. Они не болели и были не старые. Дядя сказал, Эйш сможет понять, почему так. Но Эйш...

– Ничего не сделал, – перебил я. – Ладно... Чувствую, это неизбежно, вы обе от меня не отстанете, пока я не расскажу.

– Может, оставим это до завтра? – предложила Фергия. – Вы довольно бледно выглядите.

– Ничего, жить буду. Слушайте, что у нас стряслось... Аю, а ты поправляй меня, если я что-нибудь перепутаю!

– Аю поправит, – серьезно сказала она.

– В тот год мне пришлось побывать в дальних краях по невеселому поводу, – начал я. – Погибла одна из моих бабушек, то ли двоюродных, то ли троюродных, у нас и не разберешь уже... Вроде бы она умерла своей смертью, лет-то бабушке было порядочно. И все так думали...

Я вернулся мыслями в тот синий холодный вечер. Что-то не давало мне покоя, да и дядя смотрел как-то сумрачно, а когда завершилась церемония прощания и тело покойной растворилось в языках пламени, такого, что даже и пепла не осталось (а что осталось, разнес ветер, и это было привычно и правильно), отозвал меня в сторону.

– Скажи-ка, Вейриш, – негромко произнес он, – не кажется ли тебе странным это происшествие?

– Дядя, я не так часто и настолько тесно общался с Гирришьей, чтобы судить о состоянии ее здоровья, – осторожно ответил я. – В ее возрасте всякое возможно.

– Однако Иррашья все еще жива и, да продлят небеса ее годы, даст фору любой молодой соплеменнице, а она не на много лет, а во много раз старше покойной.

– Я слышал, бывает, что с виду кто-то здоров, но в теле кроется некий изъян, который может дать знать о себе в любое мгновение. Кому-то везет, и он проживает долгую жизнь, а кто-то может умереть в юности. Наверно, Гирришью настигло нечто подобное, – предположил я. Недавно слышал об этом, вот и вспомнилось.

– Может быть, и так, – задумчиво произнес дядя. – Но, знаешь... Поди ближе, я не хочу, чтобы нас услышали.

Я повиновался.

– Это не первая внезапная смерть в небесах, – негромко сказал он. – За последние три года вот так погибли шестеро. Не из нашего рода, но ты ведь знаешь, слухи разносятся, такое не утаишь.

– А с вашими путешествиями услышишь и не такое, – кивнул я.

Дядя предпочитал странствовать в человеческом обличье. Чем-то ему нравились люди... и мне тоже. Может быть, поэтому он выделял меня среди остальных племянников.

– Слушай дальше, – сказал он. – Все погибшие – взрослые. Ни одного юнца, ни одного ребенка. Вернее, и такое случалось, но то был несчастный случай: подросток не рассчитал сил и разбился о скалы. Ты сам, помнится, едва не покалечился вот так.

Я пристыженно кивнул. Да, было дело...

– А вот остальные, – продолжил Гарреш, – все как один умирали в полете. На земле они оказывались уже бездыханными. Тому есть очевидцы: одной из покойных составлял компанию сын, и он видел, как это было, своими глазами. Он говорит, мать его словно ударилась о невидимую преграду, и крылья перестали слушаться ее. Она пыталась обогнуть препятствие, но ничего не вышло. Он не смог дозваться ее, а когда она упала, не сумел удержать – не хватило сил, лишь немного замедлил ее падение и не дал разбиться. Тщетно, она умерла еще в воздухе...

– Но ведь не эпидемия же это? – спросил я.

– Нет. Шесть случаев за три года... Наш – седьмой. А общего в этих смертях только одно. – Гарреш выдержал паузу. – Все погибшие таким образом – женщины. Подростка можно не брать в расчет, он разбился из-за чрезмерной лихости.

Я, признаюсь, оторопел. У нас очень мало женщин, особенно урожденных, и потеря шестерых всего за три года... Это должно было ударить по всем семействам!

Гарреш внимательно смотрел на меня, и мне стало не по себе под немигающим взглядом его темных глаз. Я проговорил со смешком:

– Дядя, не хотите же вы сказать, что какой-то род намерен захватить главенство, ослабив остальные? Но тогда выгоднее было бы избавляться от бойцов... Хотя без женщин род вымрет сам собой: обретенных не так уж много, и живут они слишком мало, чтобы успеть восполнить потери!

– Боюсь, все намного хуже, Вейриш, – ответил он. – Ты верно сказал, мы не успеем восполнить потери. Мы слишком медленно взрослеем, в отличие от людей, и у нас мало детей.

– Если лишить род женщин, он не будет прирастать, – медленно выговорил я. – Но дядя, вы же сказали, потери понесли несколько семей, и если устроил все это кто-то из своих, я не понимаю, какими соображениями он руководствовался... Или вы хотите сказать, что это проделывает кто-то извне? Но кому это могло понадобиться?

– Кому-то, кто не хочет, чтобы наши крылья застили ему небо, – ответил Гарреш. – Я не могу даже предположить, человек это или кто-то иной, но если и человек, то непростой.

– Вы имеете в виду – маг?

– Конечно. Только они живут достаточно долго, чтобы увидеть, чем закончится дело.

– Но последнего долгожителя, кажется, не так давно вывела из игры наша общая знакомая... – пробормотал я. – Дядя, а не пригласить ли нам специалиста? Раз уж мы знаем, кому можно доверять!

– Вейриш, если ты имеешь в виду госпожу Нарен, то, во-первых, даже ей жизни не хватит, чтобы разобраться в хитросплетениях наших семейных связей, а во-вторых... – Он помолчал. – Вряд ли ей расскажут что-то такое, что могут поведать своему. Она всего лишь человек.

– Ясно...

– Конечно, если что-то укажет на человеческий след в этом деле, ее помощь будет не лишней, но сперва нужно потрудиться самим, – добавил Гарреш. – Ты, помнится, хотел пойти по ее стопам, разве нет?

– Дядя, я слишком ленив для этого! – воскликнул я. – И чересчур молод, вы же сами постоянно твердите мне об этом!

– Вот именно. Тебя не воспринимают всерьез, а прикинувшись дурачком, можно многое выведать. У тебя это превосходно получается.

– Спасибо вам на добром слове...

– Мне не поверят. Все знают, что Гарреш – большой ценитель сокровищ, и не только золота. Я ведь коллекционирую тайны, – улыбнулся он. – А у тебя есть шанс. Хотя бы попытайся разобраться, Вейриш, у тебя есть для этого все задатки... Пойми, я боюсь, что однажды мою супругу настигнет такая же беда, а я люблю ее! А еще, – добавил дядя, – у тебя есть козырь. Ты сумеешь понять, на правильном ли ты пути.

– Да, это верно, – кивнул я, и дядя пересказал мне то, что успел разузнать.

Все это были предположения и слухи, не более того, и что может стать зацепкой, я даже представить не мог! Единственное расследование, в котором мне выпал случай принять участие, вел вовсе не я, мне досталась роль, скажем так, случайного помощника с особым даром. А здесь... Если никто из старших родственников не смог учуять и следа чужой магии, сгубившей наших женщин, мне и вовсе не на что рассчитывать! Или это была не магия? Тогда что? Яд, проклятие?... Гадать можно бесконечно!

– Боюсь, мне это не по плечу, – честно сказал я. – Но я постараюсь сделать все, что смогу.

– Ты сказал – я услышал, – кивнул дядя...

Я завершил рассказ и умолк.

– Одним словом, – подытожила Фергия, – вы согласились на непосильное для вас дело, но ничего не предприняли для расследования, верно я понимаю?

– Отчего же, – мрачно ответил я, – пытался разузнать что-нибудь. Но выходило скверно, признаюсь. Эти странные смерти, опять же, почти прекратились.

– Бабушка Арташья разбилась семнадцать лет назад, – подала голос Аю. – Тетя Оннаришья – девять с небольшим. Сестра Дарришья – семь. Больше я не знаю. Эйш не говорил. Или не знал сам.

«Она сказала, что не видела тени у меня за спиной уже шесть лет, – вспомнил я. – И что тень выросла, будто кого-то съела. Дарришью? А теперь снова проголодалась и начала искать новую жертву? Но почему я?..»

– Вот так дела... – Глаза Фергии загорелись уже знакомым огнем. – Вейриш, вы же подумывали о том, чтобы пригласить специалиста, верно я поняла по вашему рассказу? Ну так вот она я!

– Вам, по-моему, еще рановато браться за дела такого масштаба, – ответил я, пожалуй, слишком резко.

– О, вы правы, – тут же согласилась она. – Начну с дырявых ковров, это мне вполне по плечу.

– Фергия, я не хотел...

– Я, Вейриш, никогда не принимаюсь за дело, если меня об этом не попросят, – перебила она. – Вы же слышали, что я сказала Итишу, верно? Ну вот. Хочется вам и дальше считать потери, но ничего не предпринимать, – ваше право, я тоже пальцем не шевельну. Но вы все-таки подумайте, почему вдруг вам явилось это видение? Вы же не женщина!

– Не женщина, – со знанием дела подтвердила Аю.

– Очевидно, убить так можно и мужчину... – протянула Фергия. – Но отчего раньше гибли только женщины? И теперь... Что изменилось? Знаете, Вейриш, оставьте-ка вы распоряжения на случай внезапной гибели!

– Зачем? – оторопел я.

– Мне вполне хватит предсмертной записки, чтобы заняться расследованием, – пояснила она. – А хотя не нужно. Думаю, Аю меня наймет, если вы вдруг грохнетесь с высоты с разрывом сердца. Почти как сегодня. Кстати, чего вы так испугались?

Признаюсь, я отвык от подобных расспросов, был растерян и действительно изрядно напугался, поэтому ответил правду:

– Я вспоминал остров, на котором едва не погибла ваша матушка. И не сразу понял, что это вовсе не он.

– Так-так-так... – быстро произнесла Фергия, постукивая пальцами по краю столика. – Наора в живых точно нет. Может, шалит его последователь? А даже если нет, почерк все равно схожий: он упорен, терпелив, не допускает ошибок... до поры до времени! Или это не один человек? Целое семейство может избрать делом своей жизни раскрытие тайн, как мы, или истребление драконов.

– Что вы такое говорите?

– Похоже, у каждого представителя славного семейства Нарен должен быть собственный Наор или даже несколько! – улыбнулась она. Вышло... кровожадно. – Ну да меня всё это покамест не касается...

– Касается, – перебила Аю.

– То есть?

– Аю увидела Фергию. Фергия встретила Эйша. Эйшу было видение, – объяснила она. – А раньше не было. Никогда. Значит, так должно быть. Судьба.

О том, что против судьбы можно пойти, я знал даже слишком хорошо, но спорить не стал. Просто не было сил...

Глава 5

Той ночью мне долго не удавалось уснуть. Стоило закрыть глаза, как перед внутренним взором вновь возникала черная громада – туча? Скала? Порождение чьей-то магии? – и я вновь ощущал беспомощность, удушье... И, вздрогнув, просыпался.

Надо же, никогда не страдал от ночных кошмаров... Оставалось только надеяться, что это пройдет. Впрочем, если видение повторится, я даже и не знаю, что буду делать. Может, привыкну, а может, начну курить на ночь гаш или напиваться до беспамятства. Правда, от этого я очень скоро разобьюсь даже не о чудовищную тень из видения, а о самую обычную скалу или вовсе городскую башню...

– Дурные мысли? – тихо спросила Аю, и я вздрогнул, потому что даже не уловил момента, когда она прокралась ко мне.

– Да, – коротко ответил я и обнял ее покрепче.

Обычно это помогало, но не теперь, потому что мысли были не просто дурные, а и страшные. И я не мог перестать корить себя за то, что много лет провел в праздности и развлечениях, вместо того чтобы хоть попытаться выполнить дядино поручение! Скорее всего, я ничего бы не отыскал, но... Может, попалась бы какая-то зацепка? Пускай крохотная и незначительная с виду, вкупе с другими она могла бы привести... к чему-то. Мне, во всяком случае, не приходилось бы прятать глаза при встрече с дядей или вовсе сбежать подальше в пустыню, едва услышав о его визите! А сейчас я не лежал бы, глядя в темноту и силясь уснуть, а, возможно, хотя бы представлял, где искать беду, как отворотить собственную гибель... Мне очень не хотелось умирать, да еще так нелепо и страшно!

– Эйш неправильно думает, – сказала Аю, до того молча гладившая меня по голове.

– О чем ты?

– Эйш считает, что виноват. Это неправда.

– Как же нет, если я тридцать лет и... – я мысленно посчитал, – и три года занимался чем угодно, только не важным делом?

– Разве Аю не важная? И другие?

– Так-то оно так... – пробормотал я.

Мог бы еще добавить: «Только от вас не зависит моя жизнь», – но прикусил язык. От Аю – еще как зависит. Только она все эти годы и уберегала меня. Что случилось бы, реши я послушаться совета и поднимись в небо в опасный день? Я встретил бы колдовскую бурю и уже не вернулся в Адмар?

– Ты говорила мне о смерти в небе и море, – сказал я. – Но никогда не объясняла, что это. Не видела или...

– Аю не знает таких слов. Аю думала: станет учиться и найдет нужные, а пока будет говорить, как умеет.

– Не нашла?

Она покачала головой, и жесткие волосы плеснули по моему плечу.

– Оно чужое. Аю не встречала такого. Но Аю не успела выучиться всему, что нужно знать ашшу. Может, кто-то знает...

«Искать других ашшу где-то в степях – не лучший вариант, – подумал я. – Но, может оказаться, единственный. Вдруг они сумеют что-то разглядеть? Не стоит сбрасывать такую возможность со счетов».

– Ты никогда не просила отнести тебя домой, – сказал я зачем-то. – Неужели не скучала по родным? По степи?

– Родных убили, – просто ответила Аю. – Они со мной. Дом мой здесь. А степи всё равно, есть Аю или нет. Она как море или пустыня. Всегда была и всегда будет, а люди приходят и уходят. Степь никого не выделяет среди других. Люди это сами делают. Или выдумывают.

– Понимаю...

Да, в степи я не был, но море и пустыня мне знакомы. Они действительно вечны, неизменны, безжалостны и бесстрастны. И правитель, и последний бедняк равны пред лицом этого огромного пустого пространства, откуда смотрит сама вечность... К слову, не стоит бросать в нее камешки. Неизвестно, что может появиться...

– Эйш злился на Фергию, – неожиданно сказала Аю. – Почему?

– Я не злился. Просто отвык от таких людей.

– Каких?

– Шумных и бесцеремонных.

– Наши соседи такие. Люди на базаре такие. Какая разница?

– Не знаю, – сдался я. – Наверно, в том, что к соседям и торговцам я давно привык, только в дом к себе их не приглашаю.

– Фергия не будет жить у нас, – заявила Аю, и я удивился.

– Ты встретила ее, как дорогую гостью, а теперь... Неужели ревнуешь?

В самом деле, почему нет? Мои шуудэ – это одно, Аю сама ими распоряжается. Захочет – накажет, захочет – выгонит... Но свободная независимая женщина с Севера – это совсем другое! Фергия Нарен похожа на мать, а я в свое время думал, что мог бы за той приударить. Правда, меня опередили, но это к делу не относится...

– Аю не ревнует, – терпеливо произнесла жена. – Просто Фергии нельзя здесь жить. Эйш не понимает? Фергия должна работать. Кто же работает в гостях? И люди будут думать о ней неправильно, а это плохо для дела.

– Да, ты права, – с изрядным облегчением согласился я.

Конечно, я потерпел бы гостью и неделю, и месяц, благо в моем доме можно даже не сталкиваться все это время, если не захочется. Я мог оставить ее на попечение Аю, а сам полететь... куда-нибудь подальше, отдохнуть от шума и суеты.

Но речь о другом: Фергия явно настроена серьезно и от мыслей о собственном деле не откажется. Не может же она приколотить вывеску со своим именем к моим воротам! Вернее, она могла бы, живи мы в Арастене, но здесь не станет, потому что в Адмаре нравы совсем иные.

Аю верно сказала: люди станут сплетничать. За кого примут Фергию, если она останется у меня? За очередную наложницу? Тогда о работе ей можно забыть, никто не обратится к моей шуудэ! За гостью? Здесь Аю тем более права: кто же позволит гостью работать? Позор на мою голову!

Вдобавок, полагаю, Фергии вовсе не хочется, чтобы ее имя слишком тесно связывали с моим. Разве же независимый судебный маг потерпит, чтобы меня принимали за ее покровителя? Меня, конечно, считают немного странным и, пожалуй, сойдутся на мысли, что я позволяю своей чужестранной любовнице чудить, как это заведено на Севере. Одним словом, серьезно к Фергии относиться не станут. За такое она мне точно спасибо не скажет.

– Я помогу ей найти хороший дом, – сказал я.

– Аю знает такой, – тут же ответила она. – Здесь недалеко, за рощей. Там есть пруд.

– В том пруду даже цыпленок не утонет.

– Фергия хочет пруд, – пожал плечами Аю. – Ничего, что мелкий. Заколдует и сделает глубоким, она так сказала. И еще там родник. Фергии нравится, когда вода течет.

– А, я понял, о каком доме ты говоришь! – сообразил я. – Но он заброшен невесть когда, там крыши нет и стены обвалились. Что внутри творится, даже представлять не хочу. Наверняка песчаные лисицы поселились, а запах после них...

– Это не страшно, – уверенно ответила Аю. – Место хорошее. Остальное можно починить.

Я даже не сомневался, что искать рабочих и рассказывать Фергии, где покупать мебель и прочее необходимое, чтобы не обманули и не всучили несведущей иностранке сущее барахло, придется мне. Если бы я только знал, насколько ошибаюсь...

Наутро Фергии в доме не оказалось. Багаж ее, правда, громоздился под навесом, следовательно, гостя покамест не собиралась переселяться.

– Аю сказала, Фергия может взять коня, – ответила жена на мой невысказанный вопрос. – И слугу. Она не хотела, Аю убедила.

– Это правильно, – кивнул я. Без сопровождения хотя бы слуг женщине показываться не следует. Правда, сомневаюсь, что Фергии это поможет, но вдруг?

– Фергия сказала, наймет своих, когда переедет, – добавила Аю. – А лошадь купит уже сейчас.

– Надеюсь, это будет не чудовище вроде тех, на которых ездила ее матушка! – искренне сказал я, и Аю возмутилась:

– У аяйки были хорошие кони!

– Я имел в виду их... м-м-м... неказистость, – постарался я вывернуться, потому что спорить с ней о лошадях – гиблое дело. – И скверный характер. Кобыла меня однажды укусила!

– Значит, Эйш неправильно себя вел, – заявила Аю.

– Хорошо, посмотрим, что купит наша гостя... К слову, а денег-то у нее достаточно? – спохватился я, потому что спросить об этом позабыл.

Вряд ли, конечно, Фергия приехала устраиваться на новом месте с пустыми карманами, но хорошая лошадь стоит недешево. Я уж не говорю о доме, пускай даже ту заброшенную усадьбу продадут по цене пустой земли, в чем я сомневался!

– У Фергии много золота, – подтвердила Аю.

– Надеюсь, она не поволокла всё с собой...

– Нет, оставила здесь, – она кивнула на сундуки.

– погоди, ты хочешь сказать, что она вот так просто возит деньги в багаже и бросает его без присмотра? Нет, я был лучшего мнения о ее здравомыслии!

– Эйш, – перебила Аю. – Магия! Никто не тронет вещи, если Фергия не захочет. Попробуй сам.

– Нет, спасибо, – отказался я и мысленно постучал себя по лбу. Совсем забыл, кого приютил! – Чего доброго, ее сундук мне руку откусит, а то и голову.

То-то она так беззаботно доверила вещи носильщикам. Должно быть, даже пожелай они сбежать с ее багажом, ничего бы не вышло. Может, сундуки потяжелели бы втрое против нынешнего, может, начали отбиваться и в самом деле кусаться... Поди угадай, что придумала изобретательная волшебница!

– Пошлю пока кого-нибудь в управу, – вслух подумал я. – Нужно узнать, кто хозяин той халупы и сколько он за нее хочет. Наверняка ведь заломит неслыханно, если узнает, что я ею интересуюсь, а покупательница – иностранка...

– Фергия сказала так же, – ответила Аю. – И просила ничего не делать. Она сама узнает. Говорит, ей интересно, как у нас всё устроено. И торговаться она умеет.

– Посмотрим, – вздохнул я и отправился завтракать.

Вернее, уже обедать: уснуть мне удалось только на рассвете, Аю не стала меня будить, вот и... пропустил всё. Как матушка говорила, я способен даже конец света проспять... С другой стороны, потратил бы я время на уговоры, а Фергия все равно поступила по-своему. Лучше уж не лезть в ее дела. Но присматривать стоит: мало ли во что она может встрять по незнанию...

Когда Фергия не вернулась ночевать (с нею вместе испарился и слуга, и лошади), я встревожился. Аю хранила невозмутимое спокойствие, но мне, признаюсь, хотелось отправиться в город искать пропажу. Мне это не так сложно сделать: драконы хорошо различают людей, а уж если это волшебник с сильным внутренним огнем, и вдобавок он не скрывается, то найти его проще простого. Конечно, придется обшарить весь Адмар и пригороды (потому что я понятия не имел, куда занесло Фергию), а это немало. Арастен вряд ли больше, а там мы со старшей госпожой Нарен, помнится, очень долго разыскивали нужное. Правда, в тот раз то была иголка в стоге сена, а Фергия больше походит на факел в глухой ночи, да и Адмар я знаю неплохо, так что должен был справиться...

Она не вернулась и на рассвете, а после полудня явился измученный слуга, привел обеих лошадей, долго рассыпался в извинениях, уверяя, что «чужеземная шади, проклятая ведьма, не отпускала к хозяину», и, наконец, отдал мне записку.

«Вейриш, место отличное! – было написано поарастенски на листке бумаги, вырванном, похоже, из записной книжки. – Я нашла хозяина, вернее, его вдову, но она упрямее осла. Уверяет, дом проклят, и не желает продавать. Однако мы уговорились, что если я проведу там три ночи и со мной ничего не случится, она всё же его продаст, и совсем недорого! По-моему, редкая удача! Но ночью у вас на удивление холодно, а топлива нет (не считая мусора, но его не хватило бы), поэтому я вынуждена была оставить вашего слугу при себе, чтобы согреться его теплом. Магию использовать по ряду причин не хотелось. Расскажу при встрече».

Я с подозрением посмотрел на несчастного и спросил:

– Что делала с тобой шади?

– Заколдовала, шодан, и не выпускала из проклятого дома! – возопил он и рухнул на колени. – Всю ночь твой ничтожный слуга не мог пошевелить и пальцем, а ведьма... она...

– Говори же, – подбодрил я.

– Сперва она пила вино, а потом легла рядом со мной... – ужасным шепотом проговорил он. – И... и...

– Ну, продолжай!

– Храпела, как не всякий мужчина может! Я глаз не сомкнул!

Я с огромным трудом сдержал смех.

– Кстати, – вспомнилось мне, – что такого страшного в том доме? Я впервые слышу о каком-то проклятии.

– Его хозяин умер страшной смертью, шодан, – шепотом произнес слуга и осенил себя жестом, долженствующим отпугнуть злых духов. – Говорят, он заключил сделку с джаннаем пустыни, но только они всегда обманывают...

– И что случилось? А главное, когда?

Я в самом деле не помнил ничего подобного. Может, трагедия случилась в мое отсутствие? Но слухи все равно бы дошли...

– Это случилось еще до Аю-шодэ, – подумав, сказал слуга. – Тогда я был ребенком, а шодану служил мой отец.

– Прекрасно помню почтенного Уриша, – кивнул я. – Он здоров?

Как тут скроешь свою суть, если в моем доме сменилось не одно поколение слуг и тем более шуудэ, а я вовсе не изменился? Многие мои соплеменники переезжают с места на место, как дядя Гарреш, выдают себя за собственных сыновей и внуков, но моя лень снова сыграла свою роль: я нашел себе подходящий дом, да так больше и не двигался с места, не считая редких заморских путешествий.

Может, когда стану постарше, и меня потянет в дальние края, потому что у меня всё не как у других: начинаю с хвоста, а не головы, так отец говорит. Обычно-то куролесят и странствуют в юности, а уж потом остепеняются, а я... С другой стороны, дядя Гарреш что-то никак не оседает на одном месте, хотя он в несколько раз старше меня!

– Отец здоров, – ответил слуга и низко поклонился. – Всегда благодарит Вейриша-шодана и просит богов ниспослать ему несокрушимое здоровье и долгие годы жизни...

– Похоже, его молитвы действуют, – сказал я без тени улыбки. – Встань-ка, Ариш, пойдем со мной в тень. Расскажи мне о проклятом доме.

– Шодан, я знаю лишь то, о чем болтали женщины. Я спрашивал старших мужчин, но они только качали головами и говорили, что мне рано знать о таком.

– Ничего, в женских сплетнях тоже можно почерпнуть много интересного, – улыбнулся я. – Говори же, Ариш!

Он помолчал, поправил узорчатую шапочку на макушке, потом вздохнул и начал:

– Это был очень богатый и красивый дом. Там много воды, потому что бьет родник, а еще есть глубокий колодец, который никогда не пересыхает. Мы детьми бегали посмотреть издали на сады, которые росли кругом дома: плодов было столько, что ветви клонились под их тяжестью и свешивались за ограду. Мы подбирали упавшие фрукты, а иногда даже осмеливались сорвать один. Хозяин однажды проезжал мимо и увидел, как я стою на плечах у другого мальчика, чтобы дотянуться до самых крупных слив... – Ариш помотал головой. – Я думал, он избьет нас кнутом до полусмерти, а он только засмеялся и сказал: снаружи ограды можете собирать, только не ломайте ветки. Мы потом долго не ходили туда, так боялись, но потом всё же пошли. И было, как он сказал: сторож нас видел, но ничего не сказал, только смотрел, чтобы мы не портили деревья.

– Сады? – удивленно спросил я. – Но сейчас там только чахлая рощица...

– Да, шодан, – ответил Ариш. – Всё, что осталось от садов. Это когда-то были те самые сливы, с плодами черными снаружи и красными внутри. Я больше никогда таких не видел ни на одном базаре, ни в чьем саду. Но деревья давно не плодоносят.

– Ладно, продолжай, это интересно!

– Осталось сказать немного, шодан. Женщины говорили: раньше хозяин дома часто менял шуудэ, а потом всех продал и привел жену. Говорили, это она потребовала, не хотела делить с наложницами ложе мужа.

– Должно быть, он сильно влюбился, – покачал я головой. Потребовала, надо же! – Или у нее было богатое приданое, пришлось терпеть, а?

– Про приданое не говорили, – помотал головой Ариш. – Но сама она была очень красивая. И теперь красивая, хоть и старая.

Верно, Фергия же написала о вдове!

– Так они и жили, – проговорил слуга. – Сперва хорошо, потом не очень. Хозяин как-то даже стегнул кнутом моего приятеля, когда тот замешкался убраться с дороги. Не до крови, но все равно больно. Раньше он никогда так не делал.

– Да, ты сказал... И что дальше?

– Одной ночью из пустыни пришел ветер, – сказал Ариш и повторил охранительный жест. – Станный ветер: наши хижины остались стоять, как стояли, только у кого-то унесло занавесь и еще какие-то тряпки, их нашли наутро. А от дома того человека остались только стены, и те потрескались. Нам запрещали смотреть, но мы все же сбегали, и я видел одним глазком: внутри будто джаннай плясал! Ставни и двери выбиты, мебель переломана, подушки вспороты, покрывала изрезаны, посуда разбита вдребезги... и всё это засыпано песком. Тоже странным.

– В каком смысле?

– Это был черный песок, шодан, – шепотом ответил Ариш. – Ты сам видел нашу пустыню, бывал в разных ее частях, так скажи: попадался ли тебе такой?

– Нет, – подумав, ответил я. – Всякий видал, и белый, и желтый, и красный, а черного не встречал. Правда, слышал от родственника: такой встречается очень далеко на западе, там, где огненные горы. Может, где-то далеко на юге они тоже есть? Оттуда смерч и принес песок!

– Тогда почему высыпал его в точности на дом того человека? Нигде больше такого не видели! И разве смерч может уничтожить всё, что было в доме, оставить от сада одни щепки, но не тронуть конюшню и прочее? Животные все уцелели и даже не слишком напугались! А неужели шодан не видел, как лошади бесятся, когда ветер несет песок?

– Да уж, с некоторыми и не совладаешь, – пробормотал я. – Постой, мы что-то отвлеклись. Хозяин, получается, погиб?

– Должно быть, так, – развел руками Ариш. – Его не нашли. Только туфлю с его ноги.

– А жена?

– Ее отыскивали в пустыне, в нескольких часах пути от дома. По следам нашли, – пояснил он, – они начинались прямо от разрушенного дома и вели на восход. Но она не помнила, как там оказалась. Вообще ничего не помнила о том, что творилось в доме. Все решили, что это смерч унес ее прочь, ведь случается, что они поднимают даже верблюдов! Но откуда тогда взялись следы?

– И правда, загадка, – почесал я в затылке. – Выходит, с тех пор вдова живет одна? Или вернулась к родителям?

– К брату, родители их умерли, – ответил Ариш. – Так и осталась. Кто бы ее взял? Вернее, взяли бы, потому что муж оставил ей много денег, и хранил он их не только в доме. Детей у них не было, родни у мужа – тоже, и всё досталось вдове. Потому-то брат и не возражал, чтобы она жила у него: зачем отдавать деньги на сторону?

– Думаю, угадаю, если скажу, что ее и обвинили в том, что она извела мужа.

– И такое говорили, – кивнул он. – Но она, когда пришла в себя, стала твердить, что муж сам виноват. Что он договорился с джаннаем, и поэтому у него было много золота и такие чудесные сады. Только потом что-то случилось. Может, муж захотел слишком много? Или не пожелал платить джаннаю? Тот ведь мог возжелать эту женщину и потребовать себе на ложе!

– А когда мужчина отказался, разгневался... – пробормотал я. – Но ладно, сделка с джаннаем – это понятно. Только почему дом-то считается проклятым?

– Вдова так говорит, – сказал Ариш. – Уверяет, ее муж не погиб. Он всё еще где-то там, в доме, только выйти не может. И, шодан, это чистая правда!

– Неужели?

– Клянусь, шодан, я всю ночь слышал стоны и крики!

– Ты же сказал, что Фергия-шади храпела.

– Да, но не всё время! Когда было тихо, я слышал, как кто-то плачет и скребется... – Ариш скрючил пальцы для пущей выразительности. – Будто замурован заживо и не может выбраться! За столько лет человек бы точно умер, значит, это дух! Джаннай сделал с ним что-то за обман, и... – Он перевел дыхание, облизнул пересохшие губы и добавил: – Шодан, самое страшное, что там нет никаких зверей и птиц!

– Что им там делать?

– Там родник, шодан! И пруд! Пускай его почти засыпало, но если выкопать в песке ямку, то вода наберется. Но кругом родника нет следов, совсем нет! И в роще тоже...

– Да, вот это, пожалуй, странно, – согласился я. – Теперь я понимаю, почему Фергия решила там поселиться!

– Отговорите шади, шодан! – взмолился Ариш. – Не то с ней тоже случится что-нибудь ужасное!

– Не станет она меня слушать, – отмахнулся я. – Скажи-ка, они правда договорились с вдовой? Фергия написала, но без подробностей.

– Да, шодан. На три ночи, а потом, если шади останется жива и здорова, вдова продаст дом и то, что осталось от сада, почти за бесценок. Всё равно там никто не хочет жить, а она так в первую очередь!

– Но, судя по всему, первую ночь Фергия сладко проспала... – пробормотал я.

– Да, шодан, – вздохнул Ариш и добавил с заметной обидой: – У нее был ковер. А у меня только попона!

Упоминание о злосчастном ковре заставило меня улыбнуться, но я тут же принял серьезный вид, не то Ариш решил бы, что я насмехаюсь над ним.

– А чем она занималась целый день кроме торговли с вдовой?

– Покупала лошадей, шодан.

– И как успехи?

– Купила, – вздохнул он. – Я говорил ей не брать такую, но шади не стала слушать!

– Такую – это какую? – насторожился я.

– Дикую, – пробормотал он и выразительно потер плечо. Очевидно, приобретение Фергии кусалось. – Долго спорила со старой бардазинкой, но все-таки сторговалась.

– Только не говори, что у этой лошади короткая грива и полосы на шее, – с содроганием произнес я.

– Шодан догадался? – горько спросил Ариш. – Да, именно такую тварь купила эта бешеная шади! Прости, шодан, это твоя гостья, но она... она...

Он развел руками, отчаявшись подобрать слова. Я, впрочем, тоже затруднялся найти подходящее определение поступку Фергии, потому что... Потому что покупать коня у бардазина – это нужно либо вовсе ничего не понимать в лошадях, либо разбираться в них лучше Аю. Я склонялся к первому варианту: вряд ли Фергия прежде сталкивалась с этим народом, а потому, заметив ее страсть ко всему необычному и любовь поторговаться, опытная торговка легко обвела ее вокруг пальца!

Бардазинские лошади обычно встречаются трех типов. Первый – это ослепительно красивые скакуны, на которых разъезжают самые богатые кочевники пустыни и за которых знатные адмарцы готовы отвалить немислимые деньги. И очень зря, потому что к изумительным статьям и необычным мастям прилагается скверный характер – эти лошади обычно очень норовисты, и сладить с ними по силам только тем, кто знал их с жеребьчества. Есть, конечно, уникамы, способные справиться с ними, но я знал только двоих таких.

Второй тип – тоже очень красивые кони более покладистого нрава, которых разводят нарочно для продажи. Они также бывают подлыми и злобными, но в руках опытного наездника делаются шелковыми. Главное – не давать им застаиваться, не то потом не совладаешь. Первого типа это тоже касается.

А вот третьи... Третьих я видел всего несколько раз. Судя по их характерной внешности, среди их предков затесались дикие лошади, которых хватает на другом краю пустыни, где начинается саванна. Впрочем, что значит – затесались? Я слышал, кобыл в охоте нарочно отпускают, чтобы их покрыв дикий жеребец! На Севере так поступают с некоторыми охотничьими собаками, к слову.

Они выносливы, но не настолько, как верблюды, конечно. Пустыню пересечь могут, но целый табун так не погонишь, да и зачем? Бардазины держат их там, в саванне. Это для них и мясо, и молоко, и шкуры...

Аю говорила, в степи тоже есть такие лошади, полудикие, которые живут в табунах и которых собирают, только чтобы доить или отбирать на мясо. Всегда этому поражался: степь от саванны отделяет громадное расстояние, а обычаи невероятно схожи!

Она, помнится, тоже хотела такую лошадь, и я даже искал, но не нашел: бардазины два года не появлялись в Адмаре, потому что стояла великая сушь, и они, видно, решили откочевать в другие места, а то и вовсе остаться в саванне. А когда они все-таки вернулись и поставили шатры в дневном переходе от города, рядом с небольшим оазисом, среди их лошадей, как нарочно, не оказалось подходящей. Вернее, было несколько, но они показались мне слишком уж опасными. К тому же мне их продать не пожелали, предложили других, верховых красавцев, и я даже купил одного. Но Аю осталась без дикой лошади.

А Фергии повезло наткнуться именно на такую! Не представляю, зачем бардазины повели с собой дикую скотину в город (перепугавшись шума, она могла разнести половину базара!), да еще решили продать... Впрочем, может, они и не собирались этого делать, но разве Фергию Нарен остановишь?

«Вся в мать», – сокрушенно подумал я. У той тоже была слабость к страхолюдным злющим лошадям. Будем надеяться, эта никому ничего не откусит...

– Хорошо хоть, верблюд смирный, – сказал вдруг Ариш, и я потерял дар речи, а когда обрел, выговорил:

– Зачем ей верблюд?

– Откуда же мне знать, шодан? Шади сказала – вдруг придется ехать в пустыню. Пусть будет. Тоже бардазинка продала, – добавил он с неудовольствием. – Уверяла, мол, белый – счастливый. Только, по-моему, он от старости седой, а вовсе не белый...

«Фергия становится заправской кочевницей, – подумал я. – У нее есть ковер, из которого можно соорудить шатер, верблюд и дикая лошадь. Не хватает только мужчин для тяжелой работы. О, кстати!»

– А слугу она наняла?

– Нет, шодан, вчера обходилась мной, – еще тяжелее вздохнул Ариш. – Сказала, попозже наймет. Это если кто-нибудь согласится жить в проклятом доме с чужестраной шади, которая к тому же ведьма!

– Почему ты ее так называешь?

– Я видел, как она колдовала, шодан! – с содроганием произнес он. – Как песок сам собой исчез из дома, как сгорел весь мусор, как родник забил сильнее... И меня она зачаровала, я ведь говорил!

– О, конечно, – вспомнил я. – Ты так занимательно рассказывал о проклятом доме, что я и позабыл об этой мелочи. Не бойся, Фергия-шади не причинит тебе зла. Она помогает людям.

– Лечит? – с опаской спросил Ариш.

– Нет... Хотя умеет, наверно, – вспомнил я ее мать. – Она раскрывает тайны. За деньги.

– Да, шодан? А я слышал, как на базаре шептались, что она навела на сварливого Итиша порчу, и у него товар пропал. Правда, – добавил он справедливости ради, – другие говорили, что это вранье, а Итиша хочет разорить его родной брат, чтобы самому торговать коврами, а не отдавать их Итишу. Тот ведь задирает цену, брату платит, как уговорено, а разницу-то оставляет себе!

«Что ж, похоже, план Фергии действует», – подумал я и отпустил слугу восвояси.

Съездить, что ли, удостовериться, что она цела и невредима? И что в развалинах старого дома не обитает какая-нибудь тварь... Не знаю, что именно умеет Фергия, но взгляд дракона точно лишним не будет!

Правда, я решил подождать до вечера: если она уехала на базар, то вернется поздно, это уж как пить дать. Да и жарко сейчас...

Глава 6

Разумеется, я никуда не поехал, потому что Аю сказала: «Не мешай». Признаюсь, я с большим облегчением остался дома, хотя и проверить, как дела у Фергии, хотелось. И узнать, что не так с этим домом, тоже.

К середине следующего дня исследовательский зуд сделался нестерпимым, и я приказал седлать коня. Предложил Аю поехать со мной, но она только покачала головой и сказала:

– Эйш меняется.

– В каком смысле? – удивился я.

– Эйш становится любопытным, – пояснила она. – Давно уже не было. Это хорошо.

А и правда, подумал я, когда мне в последний раз доводилось совать нос не в свое дело? Кажется, это было... это было... Очень давно. Впрочем, я с детства не великий любитель всяческих слухов и сплетен. А что до приключений: одно дело – наведаться в Арастен и закрутить роман с дамой полусвета, а другое – копаться в чьих-то поросших бльем историях...

Но ведь тогда, в Арастене, мне было интересно! Я таскался за госпожой Нарен, помогая ей искать неведомо что, даже версии предлагал, строил предположения, пускай и нелепые... И всерьез думал сам заняться расследованиями, да только вернулся домой, снова размяк на жаре и забыл обо всем, кроме Аю.

«Климат мне не подходит, что ли? – мелькнуло в голове. – Прохлада-то бодрит!»

– А тебе разве не любопытно? – спросил я. – Или ты уже... увидела?

– Аю не знает, что было в том доме, – ответила она. – Аю тогда не было здесь, и она не умеет видеть прошлое. Эйш расскажет, когда выяснит.

– Но почему ты не хочешь поехать со мной? Тебе же нравится Фергия!

– Аю будет мешать.

– Чему? – поразился я. – Если ты намекаешь, что я мог бы с ней... То есть...

– Не это, – улыбнулась Аю, и ее раскосые глаза превратились в щелочки. – Просто Аю не умеет колдовать. Эйш понимает?

Кажется, это следовало расценивать как предостережение. Правильно! Сегодня же третья ночь, а обычно что-то случается именно ближе к концу испытания! А может, уже случалось, только Ариш не понял, а Фергия мне не написала.

– Вроде бы понимаю, – произнес я.

Аю права: нам с Фергией может прийти туга, а ей самой без защиты там просто опасно! А если мы станем отвлекаться и прикрывать Аю, то... ничего хорошего не выйдет для всех нас.

– Пусть Эйш будет осторожен, – сказала она.

– Что, опять... то самое?

– Нет, не оно. Того нет нигде поблизости. Аю всегда говорит, если оно рядом!

– Что же тогда?

– Аю не знает, – снова улыбнулась она. – Эйш сам увидит. Потом скажет, было страшно или нет.

– Ладно... – пробормотал я, а Аю добавила:

– Если Эйш захочет Фергию, Аю не будет против.

– Я вовсе не собирался!..

– Только пусть Эйш ведет себя хорошо, – перебила она. – Аю не нужен муж-ящерица!

– Я понял намек, – пробормотал я.

В самом деле, к магам, особенно если они из семейства Нарен, лучше не приставать, а то превратят во что-нибудь неаппетитное, а расколдовать не смогут. Или сделают вид, что не могут, с них станется.

– И, повторяю, вовсе я не собирался с ней заигрывать. Она вообще не в моем вкусе! Мне просто... ну...

– Интересно? – подсказала Аю, привстала на цыпочки и поцеловала меня. – Эйшу пора ехать. Солнце уже низко.

Да уж, мешкать не стоило: темнеет в наших краях быстро... Я, однако, приехал к заброшенному дому засветло, и первым, что попало мне на глаза, был белый верблюд. Он задумчиво объедал жухлые ветки в рощице и не обратил на меня никакого внимания. По-моему, Ариш угадал: этот зверь был старше Фергии!

Чуть поодаль в тени были привязаны два ишака, стояла телега – крепкие парни сгружали с нее какие-то тюки и таскали поближе к дому. Они явно торопились успеть до заката, а потому работали дружно и споро.

Фергия сидела на камне на самом солнцепеке и благодушно наблюдала, как обливаются потом крепкие мускулистые грузчики. Наверно, ей ничего не стоило разгрузить телегу при помощи магии, но утруждаться она не собиралась. Или же решила последовать примеру матери и не пользоваться способностями по пустякам.

Рядом с Фергией стояла громадная корзина с разноцветными сливами, которые она и поглощала с большим аппетитом, метко плюясь косточками в засыпанный пруд.

Завидев меня, Фергия помахала и жестом пригласила присоединяться.

– Вам дурно не делается? – не удержался я и, оставив выученного коня, подошел ближе.

– С чего бы? – удивилась она. – Вкусно. Попробуйте вот эти, желтые в крапинку – необыкновенно душистые и сочные!

– А черных с красной сердцевинкой нет? – вспомнил я вдруг слова Ариша.

– Нет, – ответила Фергия, ничуть не удивившись. – Весь базар обошла, никто такими не торгует. И не выращивает. Были, говорят, да все кончились, когда джаннай этот вот сад уничтожил. Тогда и у остальных такие деревья повысохли, все разом, ничего на развод не осталось. Жаль, я бы попробовала...

Она прикрыла глаза и процитировала, должно быть, торговца:

– Плоды крупные, крепкие, иссиня-черные и блестящие, как груди мархайских девственниц, а мякоть красная, сочная и сладкая, как...

– Не продолжайте, я догадался, с кем вы беседовали. Дядюшка Усах решительно всё сравнивает с женщинами и их достоинствами.

– Что, даже корнеплоды? – Фергия фыркнула, едва не заплевав меня сливовым соком. – Я видела какие-то, не знаю названия, с локоть длиной...

– У него крайне богатое воображение, – заверил я, покосился на нее и осторожно поинтересовался: – Вы не опасаетесь обгореть?

– Маг я или кто? – вполне ожидаемо ответила она. – К тому же я люблю солнце и, как видите, под одеждой отнюдь не нежна и белоснежна.

Да, я видел, и еще как... Фергия красовалась в одной вышитой жилетке на голое тело, небрежно застегнутой на груди, и высоко закатанных тонких полотняных штанах. Я прекрасно мог рассмотреть ее загорелые руки и коленки (на одной белел шрам) ... Рабочие тоже, к слову, поглядывали в эту сторону. И, уверен, делали бы ограждающие от скверны знаки, если б у них не были заняты руки.

– Этак вас перестанут называть белой ведьмой, – сказал я зачем-то.

– А что, уже начали? – обрадовалась она. – Я не ведьма, конечно, хотя владею кое-какими их приемами, ну да без разницы... Не важно, как прозовут, лишь бы на слуху было! Что до кожи... я все равно светлее большинства местных. Забавно: в Арастене я казалась черной галкой, а здесь... белой вороной, иначе не скажешь!

– Фергия, вы всегда так оптимистично настроены? – спросил я.

– Отнюдь, – ответила она несколько невнятно, потому что красная слива с трудом поместилась ей в рот, и сок теперь капал с подбородка на грудь и на жилетку. – Но какой смысл изображать самую мрачность, если настроение и впрямь недурное?

– Это вы на свою матушку намекаете?

– Она не изображает, – помотала головой Фергия, и черная блестящая коса метнулась по ее спине, как змея. – Она правда такая. Может, в моем возрасте была помягче, но с годами...

Она развела руками, потом облизала липкие от сока пальцы и встала.

– Пойду отмоюсь. Хорошо, тут нет ос или пчел, иначе пришлось бы отбиваться.

– Это уж точно, – согласился я, следуя за ней к роднику. – Кстати, не ходите босиком. Тут и змеи, и другие ядовитые твари попадают.

– Нет здесь никого, – ответила Фергия, отфыркиваясь. – Я проверила. Знаете, на Северных островах тоже хватает всяких... гадов. И в лесу, и в скалах на взморье. Наступишь – не обрадуешься! Я уж молчу о диких пчелах и прочей кусачей мелочи. Но в округе нет даже мух. Ладно мои сливы, но вы посмотрите на животных – стоят спокойно, лишней раз хвостом не взмахнут!

Я вынужден был согласиться.

– А раз нет насекомых, – продолжила она, жестом предложив мне напиться и умыться, – то нет никого, кто ими питается: ни птиц, ни ящериц, ни прочих тварюшек. И зверей покрупнее, которые едят всякую мелкоту, тем более. Правда, удивительное место?

– Проклятое, – добавил я. Вода в роднике показалась мне на удивление чистой и вкусной.

– Об этом я уже слышала, – отмахнулась Фергия. – Но, как ни крути, две ночи я здесь провела и, как видите, живее всех живых! Интересно, что случится сегодня?

– А вы полагаете, что-то должно произойти?

– Обязательно, – сказала она. – Если нет, я огорчусь. То есть дом-то всё равно куплю, но без страшной тайны это уже немного не то.

– Вы уже разузнали, что тут случилось?

– Конечно. Вдова хозяина такого нагородила, что у меня голова кругом пошла! Но, может, вы дополните? Соберитесь пока с мыслями, а я отпущу этих несчастных и вернусь...

Возчики, судя по всему, настолько рады были убраться из этого дивного места до захода солнца, что даже не торговались, взяли столько, сколько им отсчитала Фергия, да и были таковы.

Ну а я, когда она вернулась и снова уселась на камень рядом со мной, пересказал всё, что поведал мне Ариш.

– Сходится, – кивнула Фергия, дослушав, – но не полностью. Хозяйка явно недоговаривала. И она действительно боится этого места, настолько сильно, что за много лет ни разу не вернулась сюда, чтобы оплакать мужа. И брата умолила не переступать порога... Он, впрочем, не горел желанием.

– А как она это объяснила? – любопытствовал я.

– Из ее обмолвок я поняла вот что: когда-то давно, еще до женитьбы, ее муж заключил сделку с джаннаем. Чем платил, неведомо, но джаннай всячески помогал в торговле, сад вырастил, опять же... с черными сливами. В этой части всё совпадает с рассказом вашего слуги.

– Что же отличается?

– Кажется, после женитьбы отношения хозяина с джаннаем испортились, – ответила Фергия, поправив съехавший с макушки платок. Правильно сделала, даже вечернее солнце опасно. – Правда, какую роль в этом сыграла супруга, я понять не смогла. Может, захотела что-нибудь такое, чего джаннай добыть не сумел? Или решила выпросить нечто в обход мужа и дух рассердился?

– Пойдите, Фергия, – поднял я руку. – Вы так запросто рассуждаете о джаннаях, будто не сомневаетесь в их существовании! Я вот не уверен, что они...

– Тише! – она зажала мне рот и оглянулась по сторонам. – Вдруг услышат и обидятся? А мне с ними еще жить бок о бок невесть сколько лет!

– Вы меня разыгрываете, – уверенно сказал я, отстранившись. Ладонь ее, несмотря на умывание, осталась липкой и сладкой, и я ощущал вкус сливового сока на губах. – Арастенцы не верят в подобное!

– Ха... – загадочно произнесла Фергия. – Мама с отцом точно верят. Сталкивались, едва живыми ушли. Да и на Севере водится... всякое. По большей части в море, но если считать пустыню сухим морем, то разницы нет. Я как-то привыкла договариваться с обитателями глубин, чтобы берегли корабль. И с теми, кто живет в небе, – чтобы не рвали снасти и помогли с попутным ветром... Как странно, Вейриш!

– Что именно?

– Вы живете в окружении чудес, но попросту их не замечаете! – воскликнула она. – Хотя вы-то, казалось бы, должны видеть намного больше обычных людей!

– Наверно, я просто привык ко всему этому, – пожал я плечами.

Слова Фергии были мне... Да, пожалуй, неприятны. Неужто я в самом деле утратил не только интерес к жизни, но и дар, который особенно хвалил дядя Гарреш: способность замечать маленькие чудеса? Пускай даже это всего лишь травинка в каплях росы, а не огненный джаннай, но... Давно ли я любовался садом на рассвете?

Выходило, что очень давно. Отчего так? Прежде я готов был вылететь затемно, чтобы встретить рассвет в небе и застать длинные легкие облака, белые, нежно-розовые, золотистые, похожие на перья сказочных птиц, – они исчезнут, едва только встанет солнце... А теперь частенько просыпался к обеду. Раньше я всю ночь мог кружить в небе, чтобы дожидаться падающих звезд и насмотреться на них на год вперед, и огорчался, если их оказывалось слишком мало, а теперь вовсе не вспоминал о них... Когда-то я любил лежать на берегу и рассматривать прибой – в его пене мне чудились белогривые кони, и драконы, и прекрасные морские девы... Теперь летал разве что искупаться. А пустыня? Я же часами наблюдал за тем, как меняются барханы под незаметным вроде бы ветром!

Мне не нужны были дальние странствия, я и рядом с собой видел столько удивительного, что хватило бы не на одну не то что человеческую, а и драконью жизнь! Когда же всё это исчезло? Вернее, когда я перестал замечать эти маленькие чудеса? И, главное, почему?

«Быть может, в тот миг, когда ты оказался отмечен проклятием, – подумалось мне почему-то. – Когда Аю сказала – в небе и в море ждет смерть. Нет, глупости! Земля-то осталась безопасной, она говорила. Значит, дело в другом. Но в чем? Как понять?»

– Что это вы помрачнели, Вейриш? – негромко спросила Фергия.

– Задумался о странном, – ответил я.

– Не расскажете?

Я молча покачал головой. О чем говорить, если я сам не понимаю, что происходит?

– Давайте лучше об этом доме, – предложил я, чтобы сменить тему. – Как по-вашему, что тут произошло?

– Понятия не имею, – честно ответила Фергия. – Слишком много лет прошло. Что не было разрушено сразу, развалилось от времени. Но, что характерно, ничего не украли.

– Уверены?

– В горах мусора валялись довольно дорогие побрякушки. Не золотые, бронзовые и серебряные в основном, некоторые позолоченные, и не с драгоценными камнями, но всё равно красивые, хорошей работы. Наверно, остались от шуудэ. Неужто бы их не растащили?

– Непременно уволокли бы. Те же любопытные мальчишки вроде Ариша или даже ребята постарше, чтобы продать за медяк-другой.

– А их не тронули, – задумчиво произнесла Фергия. – Там еще много всякого, чем можно поживиться. Например, двери и мебель разбиты, но далеко не в щепки. При желании можно

наковырять относительно целые куски. Если не ошибаюсь, красное и тем более золотое дерево дорого стоят?

– Еще бы! Даже небольшие кусочки используют для отделки и украшений.

– Ну вот. Сами можете взглянуть, сколько таких кусочков там осталось, – кивнула она в сторону дома.

– Ариш сказал, вы сожгли то, что здесь валялось.

– Только истлевшие тряпки и прочий мелкий сор. В остальном решила порыться. Там, под песком, даже свиток завалялся, только я не знаю этого языка, а документ такой хрупкий, что того и гляди рассыплется в пыль. Но это не страшно, я же маг, так что сохранить его могу, а с языком после разберусь, – улыбнулась она. – В тайниках пусто, я проверила, какие удалось отыскать с ходу, но, может, на полу еще что-нибудь ценное обнаружится. Что касается деревяшек – зачем жечь их зазря? Дрова, даже какие-то колючки, тут дорожные, а топить сушеным навозом я пока морально не готова.

– А ночью вы ничего странного не заметили? Ариш говорил...

– Этот ваш Ариш даже под заклятием так дрожал от страха, что спать мне не давал! – перебила Фергия. – Но вообще-то я слышала вой. Только не в доме, а в отдалении. Наверно, зверье какое-то пустынное. А может, собаки. Тут звук хорошо разносится, если ветер со стороны города, то запросто можно услышать.

– Зачем вы вообще его заколдовали? – спросил я, решив не упоминать о храпе. Если злопамятность у Фергии тоже фамильная, лучше не давать ей поводов.

– Так он ведь порывался сбежать... в смысле, вернуться к вам и бросить меня в этой дыре одну-одинешеньку!

– Неужто вам тоже бывает страшно?

– Не в этот раз, – сказала Фергия. – Но что бы я стала делать поутру без лошади? Он же не хотел оставлять мне ни одной! Идти пешком до вашего поместья или до города? Или ждать, пока вы решите меня проведать? Вот уж увольте.

– Не проще было убедить его оставить вам коня?

– Проще, конечно. Но мне хотелось узнать, что станет с обычным человеком, если он заночует в доме, – призналась она. – Выжил, как видите. И не хмурьтесь так, Вейриш! Я же была с ним, а я...

– Маг, я помню. Только вы благополучно уснули! И что стало бы с Аришем, да и с вами тоже, реши вдруг какой-нибудь обитатель пустыни вами закусить? И я не имею в виду шакалов!

– Вовсе я не спала, – обиделась Фергия. – Я была начеку!

– А храпел кто? – не выдержал я. – Ариш сказал, не всякий мужчина так...

– Если вашему Аришу померещился вой, плач и стоны, то отчего вы полагаете, что и мой храп он не выдумал? – ядовито спросила она. – Может, это лошадь фыркала.

Я сдался. Спорить с Фергией Нарен было еще хуже, чем с Флоссией. Хотя бы потому, что последняя не давала поводов для спора, она просто говорила, что делать, а чужое мнение ее не интересовало.

– Идемте в дом, – сказала Фергия. – Сами взглянете на это пристанище скорбного духа или как там его... Погодите, обуюсь только. Змей там нет, а вот на щепку я босой пяткой уже наступила.

Дом – это громко сказано. От когда-то роскошного строения остались только стены, внутри гулял ветер.

– Тут должен быть подвал, – сказал я, оглядевшись.

– Уверены?

– Конечно. Где припасы-то хранить? К слову, снаружи нет ничего похожего на лаз? Службы давно развалились, вот в их обломках можно поискать.

– Если лаз и был, его песком занесло, – ответила Фергия. – Но это не проблема, я его в один миг подниму. «Воздушный вихрь» – знаете такой фокус?

– Да, помню, ваша матушка им пользовалась. Но погодите, сперва здесь посмотрим. Построено по старинке, так что кухня и вход в погреб должны быть вот в той части!

– Только она вся обвалилась, – приземлила меня Фергия. – Разбирать камни долго. Ну... если только вы не превратитесь.

– Нет, увидят еще, – отказался я. – Те двое не настолько далеко отъехали и наверняка оглядываются, и на фоне неба отлично меня разглядят.

– Так подождем, пока стемнеет, уже недолго осталось. Впрочем, не хотите – не надо, – махнула она рукой. – Сейчас найду пустоту под полом да пробью дыру. Дел на пару минут, вас упрашивать дольше. Но прежде, чем я начну, скажите, что мы хотим найти в этом подвале?

Я открыл рот, но не нашелся с ответом. А правда, что? Закованного в цепи хозяина, превращенного джаннаем в чудовище, вечно голодное, способное вырвать сердце даже у любимой жены и сожрать его, живое и трепещущее? Или нечто более правдоподобное?

– Так или иначе, взглянуть стоит, – заключила Фергия, сосредоточилась, и...

Я видел, как колдует ее мать, и выглядело это совершенно иначе. Тогда никаких внешних проявлений, кроме действия самого заклятия, я не замечал, а сейчас явственно видел пляшущие на кончиках пальцев Фергии язычки синего пламени. В сгущающихся сумерках они были особенно хорошо заметны.

Что-то ухнуло, дом содрогнулся, а я вовремя попятился, иначе с корнем вырванная – иначе не скажешь – каменная плита придавила бы мне ноги. Я бы от этого не умер, но всё равно приятного мало.

– И кто первый туда полезет? – спросила Фергия, с любопытством заглядывая в зияющую черную дыру. Оттуда пахло затхлым воздухом. – Готова уступить вам эту честь, как мужчине. Тем более, как я уже усвоила, здесь женщинам вообще не положено соваться вперед.

«Тот, кто придумал этот закон, – пришло мне на ум, – вряд ли думал о ловушках, разных чудовищах и прочей дряни. И о том, что иногда лучше пропустить вперед мага, неважно, какого пола!»

– Лучше вы, – сказал я вслух. – Я порядком обленился за эти годы и могу вляпаться в самую обыкновенную ловушку, даже не волшебную. А я вас подстрахую.

Судя по взгляду Фергии, ей очень хотелось взять меня за шиворот и скинуть в эту дыру, но она сдержалась. И на том спасибо.

– Что ж, давайте веревку, – сказала она.

– Где я ее вам возьму?

– Дожили... – проговорила Фергия сквозь зубы, вышла и вскоре вернулась с бардазинским арканом. Не иначе, на нем и привела ту самую дикую лошадь, которую я, кстати, еще не видел. Может, она вырвалась и ускакала прочь? Это было бы наилучшим вариантом! – Держите крепче. Отпустите – я за себя не ручаюсь!

– Там негде заблудиться, а свет вы можете наколдовать, – примирительно произнес я, намотав на кулак жесткую веревку. Из верблюжьих колючек ее плели, что ли?

– Если там что-то или кто-то обитает, мне будет не до света, – ответила она. – И не до того, чтобы спотыкаться о сундуки или что там внизу свалено, в поисках выхода! Так что, Вейриш, лучше держите веревку как следует, усвоили?

Возражать я не рискнул.

Фергия засветила огонек-спутник, отправила его вниз, а сама легла на живот и внимательно вгляделась в глубины подвала.

– Тут одна рухлядь, – сказала она. – Погляжу, что дальше...

С этими словами она села, спустила ноги в дыру и соскользнула вниз. Я едва успел вытравить веревку.

– Порядок, Вейриш! – раздалось снизу. – Но вы не теряйте бдительности, мало ли...

Прошло довольно много времени, прежде чем из дыры вылетел огонек-спутник, а Фергия подергала за веревку, намекая, что недурно было бы помочь ей подняться. Подвал был довольно глубокий, она доставала до нижнего края дыры только кончиками пальцев, невзирая на высокий рост. Я предложил ей подвинуть сундук и встать на него, и она послушалась. Правда, следом раздался грохот и ругань – истлевший сундук не выдержал тяжести Фергии, а она не сообразила его зачаровать. Хорошо еще, ничего себе не повредила...

Словом, пришлось вытаскивать исследовательницу... гхм... как получилось, в том числе ухватив за шиворот (хорошо еще, застежка на жилетке выдержала). И, надеюсь, я не насажал Фергии синяков.

– Скелетов там нет, – сказала она, отряхнувшись. – Вообще ничего нет. В той части, что была под кухней, наверно, впрямь хранились припасы, но за столько лет всё истлело. Ну или мумифицировалось. Как думаете, Вейриш, такое мясо можно есть?

Она сунула мне под нос что-то черное, сморщенное, и я отшатнулся от неожиданности.

– Еще я нашла кувшины, – продолжила Фергия. – В запечатанном масле, но оно прогоркло. Хотя, может, не во всех, я только парочку откупила. Вину тоже не поздоровилось, а жаль... Такая была бы выдержка!

– Не отвлекайтесь, – попросил я.

– Да от чего там отвлекаться? В этой части дома, – она постучала бывшим куском мяса по полу, – видимо, хранились какие-то товары. Даже не берусь предположить, что именно. Большая часть сундуков пуста. Тайники внизу тоже есть, я нашла несколько, но и в них ничего. Ни золота, ни драгоценных камней, ни даже магических амулетов.

– Может, в земле что-то закопано?

– Нет, я проверила. Так что зря слазила, – заключила Фергия и принялась сматывать веревку. – Ну да ладно. Зато теперь вход в подпол там, где мне удобно! Нужно только сделать люк и нормальную лестницу.

– Вы так уверены, что дом достанется вам? – хмыкнул я.

– Конечно. Иначе зачем мне затевать всё это?

– Смотрите, если всё обойдется и вдова уверится, что дом безопасен, то задерет цену до небес! Тут есть источник, а только за него можно требовать больше, чем стоит эта развалина и земля вокруг.

– И еще сад, – напомнила Фергия.

– Вы о той роще?

– Я предпочитаю считать ее садом. За ним, конечно, давно не ухаживали, но если деревья ухитрились выжить, значит, при должной заботе снова порадуют хозяйку урожаем, – заявила она. – Надо будет наладить полив. Похоже, здесь имелась система орошения, да только приказала долго жить. Ничего, колодец есть, водяная жила сильная, а остальное устроить несложно...

Фергия помолчала, потом сказала:

– Уже темно. Давайте костер разведем. Спать сегодня не стоит даже по очереди, так что будем сидеть у огня и травить байки.

– Идет, – согласился я, – только сперва перекусим. Я привёз кое-что, Аю собрала...

– У меня тоже провиант имеется. – Фергия потерла руки. – Вот и сварим похлебку, милое дело после хлопотного дня!

– Только не кладите туда эту подметку тридцатилетней выдержки, – искренне попросил я.

– Какую подметку? А! Нет, что вы, я оставляю ее на память. Пригодится посетителей пугать, – и Фергия лихо заткнула бывший кусок мяса за пояс на манер кинжала.

– Кстати о посетителях, – сказал я, помогая складывать костер. Видно, сегодня здесь побывала не одна телега, топлива привезли порядочно. – Я слышал, вас обвиняют в том, что это вы испортили ковры Итиша.

– Кто бы сомневался, – пожала плечами Фергия, исчезла в темноте, загрохотала котелком, потом ругнулась и засветила огонек-спутник. – Люди на редкость предсказуемы. Но есть и другая версия.

– Да, знаю.

– Если вы хотели спросить, не обращался ли ко мне Итиш, то вам это должно быть известно лучше, чем мне, – выдала она, пристроив на камнях над огнем полный котелок воды. – Я же сказала, что искать меня нужно у вас.

– Но вы вчера и сегодня были на базаре и могли увидеть его там.

– Я и видела. Только не разговаривала. Сколько раз мне нужно повторить, чтобы вы запомнили, Вейриш? Я не берусь за дело...

– Если вас об этом не попросят, – закончил я. – Понятно. Ну что ж, вы это придумали, вам и разбираться.

– Будто я возражаю... – Фергия сыпанула в котелок, вода в котором закипела как-то слишком уж быстро, щедрую пригоршню специй. По округе поплыл чарующий пряный аромат. – Всему свое время, Вейриш. Всему свое время...

Глава 7

Ночное небо сияло мириадами звезд, и я смотрел на них, отыскивал знакомые созвездия и показывал Фергии. У них на Севере небо совсем другое, там не видно даже Большого Венца, огромного и яркого, лишь звезда, украшающая самый длинный его зубец, летом показывается над горизонтом.

– Здесь звезды просто-таки огромные, – сказала Фергия, потеряв уставшую шею и сев ровно. – Так и кажется, что вот-вот свалятся на голову! Наши поменьше, хотя некоторые, пожалуй, ярче.

– Что, ярче даже Глаза Дракона? – невольно обиделся я и указал на ослепительную звезду в самом зените. Самого Дракона еще не было видно, целиком он поднимется на небо лишь после полуночи.

– Если сравнивать Северную звезду на фоне северного же неба и этот ваш Глаз на фоне южного, то наша выиграет, – заявила она и улыбнулась. – Ну же, Вейриш, не обижайтесь. Я слышала, у вас тут случаются дивные звездопады. У нас тоже бывают, но редко, а небо часто затянуто тучами, поди разгляди что-нибудь! Если только подняться над облаками, но для этого нужно быть драконом...

– Я так делал, – сказал я неожиданно для себя самого. – Давно. Думал, вдруг получится поймать падающую звезду?

– У меня есть, – похвасталась она.

– Да что вы?

– Правда! Конечно, я не в полете ее поймала, а нашла в том месте, куда она упала. Потом покажу, в темноте вы все равно ничего не разглядите. Да и нет в ней ничего особенного, оплавленный камешек с вкраплениями металла. Они только в полете красивые, – вздохнула Фергия. – Словом, я жду звездопада. Еще ведь рано, да?

– До первого еще месяца два, а то и больше.

– Чудесно, я как раз обживусь и смогу любоваться небом, сидя на террасе с чашечкой ойфа в руках, – улыбнулась она. – Но вы не ухмыляйтесь так довольной, Вейриш, у меня есть чем побить ваш козырь... На юге не бывает северного сияния, вот вам! Видели хоть раз?

Я кивнул. Видел, а как же... Долго не мог закрыть рот от изумления.

– Так что один-один, – добавила Фергия.

– Два-два.

– То есть?

– Один-один уже было, – напомнил я.

– И правда что... – засмеялась она и разлеглась на песке, закинув руки за голову. – Мама с отцом тоже когда-то так считались. Правда, на более серьезные вещи. Жизнь там и всё такое...

– Фергия, – произнес я, – мне очень неловко спрашивать, но... кто ваш отец? Я имею в виду, кто отважился... гм... покорить вашу матушку?

– Вы шутите, что ли? – Она приподнялась на локте, чтобы увидеть мое лицо.

– Не думаю даже, действительно не знаю!

– Что, и Гарреш не проговорился? Он-то в курсе, уверена...

– Может, он и упоминал, да я забыл, – сконфуженно ответил я. – Мне было не до того, я думал, как бы уговорить Аю стать моей.

– Тогда, конечно, вам простительно, – вздохнула Фергия. – Мой отец – Лаур Лауринь. Вы должны его помнить, он был капитаном гвардии.

Еще бы я не помнил! Именно он преданно следовал за госпожой Нарен по пятам, с нею они оказались на том острове... Я потряс головой, чтобы воспоминание не вызвало очередного видения. Этого сейчас только и не хватало!

Однако... Ни за что бы не подумал...

– Был? – зачем-то переспросил я. – А теперь он...

– Жив, – коротко ответила Фергия.

– В вашей семье это уже достижение...

– И не говорите, – вздохнула она. – А так... он давно уже полковник, но генералом вряд ли станет, очень уж характер скверный. Его несколько раз понижали в звании, потому что...

– Слишком принципиальный? – вспомнил я молодого капитана.

– Не то слово. Упрямый вдобавок. И с начальством не всегда ладит. Вернее, всегда не ладит. Но, – добавила Фергия, – поскольку он вхож к его величеству, то все эти скандалы, интриги и прочее подобное – игра на публику. Ему просто хочется заниматься настоящим делом, а не кабинетной работой. Она, конечно, тоже нужна, но далеко не все к ней расположены. Отец хорош на своем месте, и его величество это знает. Может, с годами и заставит его принять генеральский чин, но, думаю, это случится еще не скоро. Подозреваю, в собственный начальственный кабинет отца придется заносить на носилках, своими ногами он не пойдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.